
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1759 год

Вызов Фермора в Петербург. - План кампании. - Выступление Фермора с зимних квартир. - Замечания ему из конференции. - Назначение Солтыкова главнокомандующим. - Битвы при Пальциге и Кунерсдорфе. - Отчаянное положение Фридриха II. - Бездействие союзников. - Замечания Солтыкову из конференции. - Жесткие объяснения между обоими императорскими дворами. - Мирные предложения со стороны Англии и Пруссии. - Объяснения по этому поводу между союзными дворами. - Отношения России к Швеции, Польше и Турции. - Внутренние распоряжения правительства. - Недостаток в людях и следствия его. - Недостаток в деньгах. - Промышленность. - Помещики и города. - Сельское народонаселение. - Украины.

Год начался военными приготовлениями. 12 января отправлен был из конференции рескрипт Фермору, чтоб он на самое короткое время приехал в Петербург, "дабы вы могли, - говорилось в рескрипте, - наши соизволения ближе слышать и ваши объяснения лучше подавать". Генерал-майор Панин (Петр Ив.) просился из армии в Москву для устройства домашних дел. По этому случаю императрица писала Фермору, что она с удивлением узнала о такой просьбе, "когда служба его весьма нужна и когда он ее по должности к нам и по любви к своему отечеству предпочтительно партикулярности показать должен". Фермор должен был объявить Панину отказ именем императрицы и, если вперед кто-нибудь обратится с подобною же просьбою, отказывать с выговором. Недостаток в людях заставил предписать Фермору приглашать прусских подданных к вступлению в русскую армию; Фермор писал, что пруссаки едва ли согласятся идти на такое жалованье, каким довольствуются русские, но получил ответ: "Так как и малейшая в содержании сих принимаемых людей против наших подданных отмена в пользу первых, конечно, с нашею к своим верным подданным монаршею матернею милостию не сходствует, то мы на сие никак поступить не можем". Служба в русской армии действительно не могла быть привлекательна для иностранцев, если обратим внимание на просьбу Фермора: "Находящиеся с начала нынешней войны при заграничной армии генералы, штаб - и обер-офицеры в рассуждении дальних походов, великой дороговизны и потому, что многие в бывшую 14 августа баталию всего, а другие части своих экипажей лишились, теперь в такую скудость пришли, что не только себя по чинам своим вести, - и достаточно пропитаться не в состоянии и крайнюю во всем нужду терпят, особенно субалтерн-офицеры". Фермор просил, чтоб из наличной в Кенигсберге контрибуционной суммы, хотя за одну треть,

выдано было генералам и офицерам не в зачет жалованье. Просьба была исполнена.

В Петербурге продолжали сердиться на Фермора за неприсылку ведомостей. В армию отправлен был генерал-поручик Костюрин с требованием от Фермора наискорейшей присылки следующих ведомостей: 1) о действительном состоянии налицо людей во всех полках и корпусах, "из которых об артиллерийском и инженерном мы, - говорилось в рескрипте, - к особливому нашему удивлению, никогда не имеем рапортов". 2) О числе наличных лошадей, годных к службе, также о подъемных. 3) Об оружии, сколько в последнем сражении потеряно, сколько при полках налицо, сколько из России в добавок прислать надобно. 4) О мундире. 5) Самый краткий счет наличным деньгам. 6) Самый краткий комиссариатский счет. 7) Расписание о производстве на упалые места, несколько раз требуемое. 8) Ведомость, сколько людей в отлучках и каких. 9) О всех магазинах и какие при них команды, о которых идут удивительные слухи, что терпят крайнюю нужду, не получая жалованья. 10) О числе всех Прусских пленных и где они находятся "ведомость, ожидаемая с нетерпением", - говорилось в рескрипте.

По возвращении Фермора из Петербурга к армии ему предписывалось в марте месяце иметь главное старание о том, чтоб армию комплектовать и снабжать, причем сделано было любопытное замечание: "До нас дошло, что войска наши, стоя в Пруссии на квартирах, не имеют ни одной из тех выгод, которыми прусские войска обыкновенно в квартирах пользуются. Подлинно рекомендовали мы вам содержать в армии нашей строжайшую дисциплину, а жителей до обид и разорений не допускать, но мы в то ж время не сумневались, что войска наши в завоеванной земле, конечно, имеют те же выгоды, коими прусские пользуются, ибо что единожды в обычай введено, то жителям отнюдь тягостию считаться не может; и для того повелеваем вам всегда, когда наши войска в неприятельской земле на квартирах или в гарнизоне стоять будут, поступать точно таким образом, как прусские войска делают". И опять пошли выговоры за неприсылку точных ведомостей; например, в рескрипте от 11 марта говорилось: "Из поданной вами о числе ружья ведомости усматриваем мы с великим сожалением, что недостает, особливо утраченного, весьма много. Вы не изъясняете притом, по наличным ли людям этот недостаток; и так как мы боимся, что и на наличное число людей ружья не достанет, то повелеваем вам единожды прислать точный и ясный рапорт, на сколько именно ружья и прочих муниционных вещей недостает, чтоб мы могли, смотря по тому, принимать наши меры".

Кенигсбергский губернатор Корф обязан был доставлять отдельным отрядам армии все нужное, особенно провиант, фураж и подводы; но Корф писал в Петербург, что, несмотря на его собственные напоминания, ни один из командующих дивизиями и бригадами генералов не уведомляет

его ни о движениях полков, ни о месте их пребывания, так что он наконец не знает, куда что отправлять.

План кампании, сочиненный в присутствии Фермора в Петербурге, состоял в том, чтоб вся русская армия, разумея полки по двухбатальонному числу, была готова к походу еще до исхода апреля месяца старого стиля. Хотя в начале мая трудно надеяться хорошего корму в поле, однако тем не менее армия должна в это время оставить зимние квартиры и двигаться к Познани, где в половине или к 20 числу мая должно находиться уже значительное войско, именно не меньше 60000, а с офицерами, артиллеристами, инженерами и козаками не менее 90000. Эта армия не должна брать с собою ни одного больного или слабого, которые все остаются при реке Висле для охранения магазинов и для собственного их поправления, так, чтоб к половине лета нечувствительно собрать там армию до 40000 человек. От Познани армия идет прямо к саксонским границам и до самой реки Одера. Где б ни находилась армия Императрицы-королевы, везде вступление русской армии в Силезию должно быть самым тяжелым ударом для короля прусского. Фермор выступил из зимних квартир и перешел Вислу 20 апреля и только 10 июня достиг Познани; 16 числа получены известия о вступлении прусского войска в польские владения, а 19 Фермор сдал главное начальство над армиею.

И по возвращении его из Петербурга не прерывались неприятные объяснения между ним и конференциею, мнения и требования которой присылались в виде рескриптов императрицы. Конференция не понимала из донесений главнокомандующего, на что он делает такие большие запасы провианта и куда тратит такие огромные суммы денег. "Вы приказали, - говорилось в рескрипте Фермору, - заготовить 70000 четвертей хлеба в Познани; это число превосходит то, которое здесь, в Петербурге, вместе с вами полагалось достаточным на всю кампанию; для чего же делаются еще громадные запасы на Висле, когда хлеб идет морем из России? Мы не видим из вашей ведомости, по какому контракту и за какой провиант надобно доплатить жиду Боруху 56000 рублей. Сколько мы до сих пор видим, вся покупка идет на одних подрядах, но мы не можем себе вообразить, чтоб подрядный хлеб еще свозить надобно было. А когда далее мы стали рассматривать вашу ведомость, то пришли еще в большее удивление: в ней полагается на задатки по контрактам за покупной вновь и приготовленный прежде хлеб и на перевоз из Кенигсберга и Пиллау водою по крайней мере 600000 рублей. Не видим мы, за какой хлеб и за какое его число назначается такая громадная сумма. Выходит, что мы за один провоз нашего хлеба через неприятельскую землю должны заплатить тысяч двести; выходит, что мы Пруссию получили к истощению нашей казны и к обогащению пруссаков! Повелеваем: никаких на реке Висле вновь приготовлений и покупок провианта не делать, а полагаться твердо на привозимый из России и потом сделать распоряжения, чтоб привоз получаемого из России хлеба был прусским жителям неразорителен да и

нам не очень тягостен. Из вашей ведомости видно, что 27 января было налицо 1312863 рубля, а теперь и с везущимися из Кенигсберга остается только 276281 рубль. После готового провианта надобно было бы думать, что такое множество денег издержано на покупку лошадей и полкового исправления; однако усматривается, что большая часть денег употреблена в платеж кенигсбергским купцам, да неизвестно кому другому за подрядный провиант, а именно 453305 рублей. Если во время пребывания в неприятельской земле при подвозимом из России хлебе пропитание становится так дорого, а, напротив того, по исчислении целая нынешняя кампания и поход через нейтральные земли должны стать так дешево, то не можем не требовать объяснения как этому, так и тому, куда употреблено в прошлом году без малого 4 миллиона по одному провиантскому правлению, тем более что в 1757 году изошло с небольшим только два миллиона, хотя армия числом была почти вдвое и почти все время находилась в нейтральных землях и главнейшие издержки употреблены были на поход конницы и легких войск из Украины чрез всю Польшу да на заготовление магазинов, от которых еще теперь видим значительные остатки".

Главнокомандующий оправдывался, что на привозимый из России хлеб не рассчитывал, потому что он придет в Пиллау в июне и июле месяцах и надобно его будет перегружать на суда, которые Фришгафом ходят; в Эльбинге опять надобно перегружать на плоскодонные суда, которые против течения ходят, и потому при всех стараниях магазинов, находящихся при Висле, особенно торнского, скоро наполнить нельзя, ибо прежде шести недель в Торн хлеб не придет. Притом цена хлебу на Висле в апреле месяце так низка, что и с провозом в магазины дешевле петербургского подряда становится, если только в апреле и мае месяце покупка на готовые деньги упущена не будет. Из 4 миллионов рублей большими суммами расходовано в Петербурге и Риге оберкригскомиссаром на формирование третьих батальонов и отправление за армиею разных припасов.

Но еще до получения этих объяснений 8 мая состоялся Фермору рескрипт: "Заблагорассудя нашего генерала графа Солтыкова (Петра Семеновича) отправить к находящейся за границею ныне под командою вашею нашей армии, вам чрез сие о том дать знать восхотели с тем, что как помянутый граф Солтыков пред вами старшинство имеет, то натурально ему и главную команду над всею армиею принять надлежит, и потому вы имеете оную ему сдать. Но притом мы твердо уверены, что вы тем не меньше службу вашу продолжать, особливо же помянутому генералу графу Солтыкову все нужные объяснения подать, и в прочем во всем ему делом и советом вспомоществовать крайне стараться будете". Фермор отвечал: "Видя вашего императорского величества всемилостивейшее продолжение материнского милосердия и доверенность к последнему рабу своему, не токмо себе сие за обиду не почитаю, но, припадая к стопам вашего императорского величества, рабское мое благодарение приношу". В

учрежденной Фермором Провиантской походной канцелярии членами были генерал-майор Диц, бригадир Хомутов и полковник Маслов; теперь Диц и Хомутов были отставлены и управление канцеляриею поручено генерал-поручику князю Александру Меншикову, при котором из прежних членов остался полковник Маслов. Меншикову было наказано, чтоб армия всегда имела с собою продовольствия на месяц; находясь в неприятельской земле, получала бы пропитание с нее выписыванием порций, раций и контрибуции; если б этого оказывалось недостаточно, то покупать в соседней Польше, давая сверх обыкновенной цены по рублю и до двух рублей, только бы продавцы сами доставляли хлеб. Солдаты не должны быть затрудняемы на походе печением хлеба и сушением сухарей: для этого, взявши маршруты и ведомость о лежащих на дороге местечках и деревнях, тотчас наперед послать в те места народных офицеров с прописанием, где к которому числу сколько хлеба должно быть перепечено обывателями, чтоб солдаты не только готовый хлеб получали, но и с собою до другого места готовым брать могли.

Перемена Фермора была неожиданная, не ожидали и такого назначения ему преемника. Фермор почему-то славился искусством военным. Петр Семенович Солтыков ничем не славился. По родственным связям своим с императрицею Анною и правительницею Анною Леопольдовою он не мог быть приятен новому правительству и потому был удален из Петербурга для командования украинскими ландмилицкими полками. Иностранцы и свои отзывались об нем одинаково, что это предобрый, обходительный, ласковый человек, но простой солдат, никогда не командовавший в действующей армии. Вот впечатление, произведенное Солтыковым в Кенигсберге и записанное очевидцем: "Старичок седенький, маленький, простенький, в белом ландмилицком кафтане, без всяких украшений и без всех пышностей, ходил он по улицам и не имел за собою более двух или трех человек. Привыкнувшим к пышностям и великолепиям в командирах, чудно нам сие и удивительно казалось, и мы не понимали, как такому простенькому и по всему видимому ничего не значащему старичку можно было быть главным командиром толь великой армии и предводительствовать ею против такого короля, который удивлял всю Европу своим мужеством, проворством и знанием военного искусства. Он казался нам сущю курочкою, и никто и мыслить того не отваживался, чтоб мог он учинить что-нибудь важное". Новый главнокомандующий по прибытии своем к армии в Познань созвал военный совет, на котором положено было искать неприятеля, выжить его из Польши и направиться к Одера. Это решение было исполнено, и легкие русские войска начали уже схватываться с пруссаками. Из Петербурга писали Солтыкову, что очень довольны его мужественным и похвальным намерением. Прусская армия была под начальством генерала Веделя, который должен был помешать соединению русской армии с австрийским корпусом генерала Лаудона. 12 июля русская армия встретилась с прусскою при деревнях Пальциге и Кай, недалеко от Одера, на бранденбургских границах. "Неприятель, - как говорится в донесении Солтыкова, - поворотясь вдруг своим левым

крылом, на правое наше устремился, и пушечная пальба наижесточайшим образом началась, которая непрерывно более часа продолжалась. Неприятель между тем, сблизясь в обыкновенную свою дистанцию, из мелкого ружья пальбу начал и наотважнейше на правое крыло наступал, но с такой храбростию и мужеством встречен, что по наисильнейшем с обеих сторон огне назад отбит. Однако, имея он с своей стороны во многих местах удобные перелески, переменяясь новыми людьми, вновь наисильнейшие атаки делал и тако по троекратном правого крыла атакowaniu, но всегда с равною ж храбростию и мужеством отбитии старался кавалерию между сибирским, и пермским, весьма много уже претерпевшими, однако ни пяди своего места не уступившими полками ворваться, и, в учинившихся от побитых и раненых интервалах прошед к второй линии, генералом-поручиком Демику с его высочества и киевским кирасирскими полками, которые между линиями в резерве стояли, тотчас прогнан, и тот интервал Низовским пехотным полком заступлен. От которой неприятельской кавалерии отделясь, несколько эскадронов устремились на Первый гренадерский полк, но скоро артиллерию отбиты и прогнаны. Неприятель, не получа по сим троекратным на правом крыле толь злобным атакам никакой удачи, к левому флангу устремился, где такожде двукратно наотчаяннейшим образом атаковал, а часть кавалерии его к деревне Никен маршировала, с тем чтоб сквозь оную в левый фланг армии ворваться; но генерал-майор Тотлебен, который, услыша сильную пушечную пальбу, от обозу к армии уже прибыл и у левого фланга остановился, увидя неприятельское намерение, оную деревню зажег и тем его замысл уничтожил. Таким предупреждением, жесточайшим действием новоинвентованных разного рода орудиев и шуваловских гаубиц, проворством всех артиллерийских, також храбростию солдат оный совсем в бегство приведен; наши легкие войска его преследовали, но наступившая вскоре ночь им в ожидаемом успехе препятствовала. Таким образом, гордый неприятель по пятичасной наижесточайшей баталии совершенно разбит, прогнан и побежден. Ревность, храбрость и мужество всего генералитета и неустрашимого воинства, особливо послушание оног, довольно описать не могу, одним словом, похвальный и беспримерный поступок солдатства всех чужестранных волонтеров в удивление привел. С нашей стороны убиты генерал-поручик Демику, штаб-офицеров 2, капитанов 2, субалтерн-офицеров 11, нижних чинов 878. Ранено: 1 генерал-поручик, 1 бригадир, 4 полковника, 4 подполковника, 6 майоров, 36 ротмистров и капитанов, субалтерн-офицеров 101, нижних чинов 3744. Неприятельских тел погребено 4228, в полон взято 605 человек, в котором числе один полковник и 15 обер-офицеров, но большая часть оных ранена; дезертиров пришло 1406. Пушек отнято 14, знамен 4, штандартов 3; ружей собрано на месте баталии 2222". "Победа сия, - говорит современник, - произвела многие и разные по себе последствия, из которых некоторые были для нас в особливости выгодны. Из сих наиглавнейшим было то, что все войска наши сим одолением неприятеля ободрились и стали получать более на старичка своего предводителя надежды, который имел счастье с

самого уже начала приезда своего солдатам полюбовиться; а теперь полюбили они его еще более, да и у всех нас сделался он уже в лучшем уважении".

16 июля Солтыков перешел с армиею под Кроссен и 18-го писал императрице: "В армии все обстоит благополучно, только повозки портятся да подъемные и артиллерийские лошади с места почти нейдут, а князь Меншиков, живучи в Познани, доставлением провианта очень медлит и время в одних только излишних переписках напрасно теряет, не желая подвергнуть себя моей команде; когда б он с провиантским правлением отправился к армии, то, будучи при ней, успешнее бы вел дела по порученной ему комиссии, чем оставаясь в Познани, ибо знал бы все обстоятельства и потому предписывал бы своим подчиненным только об исполнении приказаний, тем более что провиант уже был заготовлен в Познани до его приезда туда".

По прибытии русской армии к Кроссену на другой день, т. е. 18 числа, Солтыков получил письмо от австрийского генерала Лаудона из Ротенбурга от 17 числа (ст. ст.). Лаудон писал, что он отправлен главнокомандующим графом Дауном с 20000 войска к Одеру и будет идти вместе с русскою армиею, что выступит из Ротенбурга 19 числа и через четыре марша прибудет к Одеру. 21 числа Солтыков выступил с армиею в поход и в деревне Карчен получил письмо от австрийского генерала Гаддика, что прусский король выступил из Сагана и идет очень скоро, на ночь придет в Бобергсберг, лежащий в одной миле расстояния от Кроссена, поэтому Гаддик просил Солтыкова навести понтоны через Одер против Фюрстенберга, чтоб австрийцы могли переправить свою пехоту, а конница благодаря засухе может перейти вброд. Солтыков отвечал, что мосты будут наведены ночью и австрийцы 22 числа могут переправляться. Но когда русская армия пришла в деревню Ауер, то к Солтыкову явился Лаудон с большою свитою и объявил, что Фридрих II со всем войском пошел назад против графа Дауна и генерал Гаддик повернул для соединения с ним же, а он, Лаудон, с 20000 войска остался, потому что соединение его с армиею графа Дауна очень трудно. После этого извещения Лаудон именем Дауна начал требовать у Солтыкова отправления 30000 пехоты на помощь графу Дауну. "Без особенного указа, - отвечал Солтыков, - я не могу исполнить вашего требования, потому что в постановленном операционном плане ничего об этом не говорится и предписывается обоим императорским армиям соединиться на реке Одере и соединенными силами наступать на неприятеля; сверх того, лошади в таком дурном состоянии, что без отдохновения в поход выступить никак нельзя". Тогда Лаудон спросил, каким образом он будет получать провиант и фураж, и объявил, что граф Даун приказал ему взять с Франкфурта миллион талеров контрибуции и разделить эти деньги пополам с русскою армиею. "У нас провианта и фуража недостаточно, - отвечал на это Солтыков, - и город Франкфурт занят одним русским войском, следовательно, ни тем, ни другим с вами поделиться не могу". Этим разговор и кончился.

23 июля Солтыков приехал во Франкфурт; его встретил занявший этот город генерал Вильбуа с городскими ключами и объявил, что австрийский корпус стоит лагерем в полумиле. Вслед за тем приехал австрийский офицер с просьбою, чтоб его товарищам позволено было бывать в городе для закупки нужных вещей, и вместе требовал на трое суток 90000 рационов. Солтыков отвечал, чтоб он завтра приезжал опять и подал ему рапорт о числе и состоянии австрийского войска, а о прочем, что ему надобно, представил бы письменно. "Я намерен, - писал Солтыков императрице, - послать генерал-поручика графа Румянцева к Берлину для взятия денежной контрибуции, лошадей, быков и провианта, ибо наши лошади и быки от жаров и песчаной дороги пришли в крайнее истощение, большая часть повозок требуют починки, да и по артиллерии после сражения без исправлений обойтись нельзя, провианта при армии очень уменьшилось, а князь Меншиков не присылает. Поэтому я принужден, укрепясь в здешнем выгодном лагере, исправлять свои нужды и дожидаться, какой успех получит над неприятелем граф Даун, дабы потом, исправя недостатки и отдохнув с армиею, надлежащие меры к произведению дальнейших военных операций принять мог; а теперь в дальний поход идти не осмеливаюсь, тем более чтоб армии вашего величества каким неприятным следствиям не подвергнуть и приобретенную победоносным вашего императорского величества оружием славу не помрачить".

В Петербурге коллегии Иностранных дел велено было сделать графу Эстергази следующее сообщение: "Главное содержание операционного плана состоит в том, чтоб решительным действиям быть в Силезии и для того обоим императорским армиям сближаться к реке Одере. Поэтому мы приказали нашему генералу перейти и самую реку Одер, если б наша армия пришла туда ранее и переходом своим чрез реку Одер могла содействовать сближению обеих армий. Мало того, мы предписали и в таком случае, если б граф Даун не в состоянии был ни к Королату, ни к Кроссену приблизиться и король прусский пресекал всякое сообщение, неприятелю делать сильную диверсию и более таких мест держаться, где бы при удобном случае можно было соединиться с графом Дауном. Для доказательства искренности наших намерений эти решения наши были сообщены графу Эстергази запискою от 19 июня, и мы не сомневались, что знание их будет служить графу Дауну побуждением с таким же усердием исполнять условленный план, с каким мы его исполнили. Но к крайнему для общего дела сожалению, произошло совершенно противное. Едва граф Даун узнал, что прусская армия вступила в Польшу, и приближается к Познани, тотчас усумнился, чтоб план был исполнен с нашей стороны, и дал знать, что хотя он был готов идти на короля прусского, но это известие его остановило, тогда как это известие и должно было его побудить занять внимание прусского короля, чтоб наша армия в Польше имела меньше остановок и могла скорее подойти к реке Одере. Когда наша армия преодолела все препятствия в Польше, выгнав оттуда неприятельскую армию, наконец, разбив ее, пришла в назначенное время к реке Одере и тем

сделала то, что король прусский, оставляя графу Дауну свободные руки, со всеми почти силами обратился против нашей армии, то граф Даун, вместо того чтоб сейчас же подкрепить наши операции, по-видимому, рассудил, что настал случай нашей армии исполнить данное ей повеление соединиться с ним, и прислал графа Лаудона с представлением, чтоб наша армия, покинув свои обозы, послала к нему на помощь 30000 пехоты в такое время, когда, по уведомлениям генералов Гаддика и Лаудона, прусский король с крайнею поспешностию идет напасть на нашу армию".

Вместе с копиею этой записки отправлен был к Солтыкову рескрипт: "Вы такое хорошее и благоразумное намерение приняли остаться в выгодном при Франкфурте положении, дать войскам нашим отдохновение, поправлять упряжки, с неприятельской земли собирать все нужное для нашей армии, а притом и быть в готовности к храброму принятию неприятеля, что по справедливости ничего лучше придумано быть не может и условленный план больше чем исполнен, ибо от Познани выступили вы в означенное время, несмотря на то что для прогнания вас и оттуда приходила такая армия, о которой при сочинении плана и думано быть не могло; к реке Одере пришли вы на срок, но победа сперва неприятельскую армию и принудя чрез то короля прусского почти все свои силы против вас обратить, а графу Дауну свободные руки оставить. Пожалуй, вы могли бы еще сделать одно - дойти до австрийской армии и с нею вместе победить наголову короля прусского, как в австрийском лагере и была истолкована записка, данная Эстергази в июне; но в этой записке не сказано, чтоб между тем австрийской армии ничего не делать. Впрочем, объясним вам наши мнения: 1) если граф Даун подвинулся к вам ближе или сделал что-нибудь важное и полезное, так что ваше содействие могло бы ускорить решение дела и увеличить уже приобретенные выгоды, причем армия наша никакой излишней и видимой опасности не подвергалась бы, то, конечно, вы не упустите случая сделать еще значительнее услугу нашу пред страждущею от войны Европою и более важными и обязательными дружбу и благодеяния наши пред союзниками, ибо хотя настоящий их поступок обнаруживает в них сильный эгоизм и к нам неискренность, однако мы сами подверглись бы справедливому нареканию, если б, безвременно за это отплачивая, пропустили удобный случай окончить войну. 2) Если же дела графа Дауна с королем прусским остаются нерешенными или король прусский одержал над ним некоторые выгоды, то можете распорядиться так, чтоб наша армия не подверглась опасности. 3) Если б действительно король прусский обратился против графа Дауна, то вам надобно действовать с крайнею осторожностью, помня, что граф Даун искусен выбирать себе неприступные места, а король прусский чрезвычайно проворен быстрые походы делать; вы должны действовать очень осторожно, хотя бы прусский король и не оставлял против вас большого войска в случае перехода за реку Одер вы не должны удаляться от нее более трех переходов, и если бы король прусский оставил против вас небольшой корпус, то очень хорошо было бы вам на него напасть и разбить, но, разбивши, вы должны опять на эту сторону реки

возвратиться. 4) А в случае если б король прусский, обратясь против графа Дауна, оставил против вас значительный корпус, то вам следует прежде всего стараться о сохранении приобретенных выгод, и, как бы граф Даун ни домогался присылки к нему помощи или сильнейшего с вашей стороны действия, вы прямо можете ему отвечать, что когда вам надобно было в точности исполнить план, то в этом никакие трудности вам воспрепятствовать не могли; но теперь, имея против себя знатную армию, вы не можете решиться дать битву, выиграв которую уже поздно ею пользоваться, а проиграв, надобно будет все потерять. Вы не можете себе вообразить, как мы довольны всем тем, что до сих пор вами сделано, особенно вашу твердость в ответе на нескладные запросы с австрийской стороны".

"Король прусский чрезвычайно проворен быстрые походы делать", - говорилось в рескрипте, и Фридрих II спешил оправдать такое мнение об нем петербургской конференции. *Скоропостижный* король решил не допускать неприятельских армий до соединения и для того напасть на русское войско и разбить его. Цорндорфская битва подавала ему надежду исполнить это с полным успехом, он надеялся *уничтожить* русское войско. 1 августа напал он на Солтыкова, расположившего свое войско на возвышенностях подле деревни Кунерсдорфа. Русский главнокомандующий так описывал битву в своих донесениях.

"Русская армия была расположена на возвышенностях, простирая свое правое крыло почти к самой реке Одере, а левое - мимо деревни Кунерсдорф до того места, где возвышения и лес оканчиваются и через небольшой ручей начинаются пашни и луга. Правое крыло составляли первая дивизия под командою генерала Фермора и полки авангардного корпуса под командою генерал-поручика Вильбуа. Вторая дивизия под командою генерал-поручика графа Румянцева составляла центр армии; а на левом крыле поставлен был новобразованный корпус под командою генерал-поручика князя Голицына. Австрийский корпус под командою генерал-поручика графа Лаудона поставлен был позади правого крыла. Полуночи в третьем часу неприятель в марш вступил, и, обходя левое, совсем подавался к правому крылу, и беспрестанным маневрированием показывал вид армию вашего величества со всех сторон атаковать. В 9 часов пред полуднем усмотрено, что он на горе против левого фланга две большие батареи устраивает, под прикрытием которых некоторое число кавалерии и пехоты в имевшуюся у левого крыла ложину ввел. В 10 часу неприятель подошел к лесу, левым, своим пред правым крылом нашей армии в ордер-баталии строиться стал. Я, усмотря, что он правое крыло, которое по положению места такой сильной дифензии, как наше левое, не имело, атаковать намеревается, для воспрепятствования ему в том графу Тотлебену велел имевшийся через болото большой мост зажечь. Неприятель, увидя себе пресеченный таким образом путь и затрудненный переход, вдруг совсем, кроме небольшой части кавалерии, которая исподволь за ним следовала, к нашему левому крылу поворотил и так в

половине 12 часа при жестокой пушечной пальбе на левое крыло, во фланг устремясь, наступать стал. Стоявшие между тем в начале 1 часа в лощине прусские полки, выходя, под пушки наших батарей подошли и вдруг во фланг на гренадерский сформированного корпуса полк атаку колоннами повели, где хотя с нашей стороны сильным образом и встречены, но, по недолгом сопротивлении, умножась, неприятель новыми силами гренадерский полк с места сбил, в кое время командующий сим корпусом генерал-поручик князь Голицын тотчас мушкатерским того ж корпуса третьему и пятому полкам новую линию против неприятеля сделать велел, а потом четвертому и первому то ж учинить приказано; но подновляемый неприятель свежими полками оных сбил и двумя батареями завладел да и, сделав из всей своей армии колонну, устремился, со всею силою сквозь армию вашего величества до самой реки продрасться, оставляя первую линию в левой руке, и, таким образом наступая, со всех его батарей прежестокая пальба бомбами и ядрами из 200 пушек производилась, так что места почти не было, где б пушки не вредили, отчего многие у нас ящики с зарядами подорваны и у пушек лафеты повреждены. Но как скоро только я неприятельский успех и толь сильное устремление усмотрел, то немедленно генерал-поручику Панину приказал новыми полками колеблющиеся подкрепить, и оный, взяв из второй линии второй дивизии при бригадире графе Брюсе второй гренадерский полк, а австрийский генерал-поручик граф Компителли гренадерских германских полков роты, на подкрепление подвели, а потом им же, генералом Паниным, Белозерский и Нижегородский полки, ибо более двух между ретраншементом, куда неприятельское главное устремление шло, установить было невозможно. За сими Санкт-Петербургский и Новгородский подведены ж, которые наижесточайший огонь претерпели и неприятеля в успехах несколько поостановили, а австрийские гренадерские роты подкрепляемы были того же корпуса Лаудонским и Баден-Баденским полками, которые в близости находились. В самое сие время неприятельская кавалерия в ретраншемент вошла, которая нашу под предводительством генерал-поручика графа Румянцева и австрийскую под команду генерал-поручика барона Лаудона опровергнута и прогнана, а вслед за тем генерал-поручик князь Любомирский с Псковским, Апшеронским и Вологодским полками да генерал-майор князь Волконский с первым гренадерским и Азовским привели и пехоту неприятельскую несколько в замешание. Чтоб сие поправить, неприятель попытку сделал провести свою колонну позади нашей второй линии для отрезания подкрепляющих полков; только идущий на сикурсование генерал-майор Берг с бригадиром Дерфельдом, а при них полк первой дивизии второй линии Сибирский и батальон Низовского поставлены против неприятельской колонны, которую они, из единорогов и шуваловских гаубиц, а стоящие на пригорке австрийские полки пушками с батареей встретя, врознь разбили и рассеяли. Но до пятого часа победа еще весьма сомнительна была; потом подведены генералом-поручиком Вильбуа и генерал-майором князем Долгоруковым из авангарда Воронежский и

Нарвский полки; за ними вдругое генерал-майором Бергом второй Московский полк, одна рота Низовского да Казанский полк; с вторым Московским генерал-майор Берг неприятелю во фланг ударил и, соединясь с генералом-поручиком Вильбуа, уже ретироваться начавшего неприятеля из ретраншемента выбили, батареи наши освободили, на которых несколько пушек уже неприятелем заклепаны были, и даже до лощины провожали, где по королевскому повелению подполковник лейб-кирасирского полку фон Бидербе с двумя эскадронами на Московский и Нарвский полки ударил, точию чугуевскими козаками разбит, а подполковник ранен и пленен. Тогда неприятельская армия в совершенное бегство обратилась, и генерал-поручик Лаудон с своею и с нашою кавалериею и бригадир Стоянов с своим полком с левой, а генерал-майор Тотлебен с прочими легкими войсками с правой стороны неприятеля преследовать стали, и тако сия в пол 12 часов начавшаяся и невступно до 7 часов продолжавшаяся жестокая и кровопролитная баталия совершенным разбитием и прогнанием неприятеля кончилась". Русские потеряли убитыми 2614 человек, раненых было 10863; неприятельских тел похоронено на месте 7627, взято в плен 4542 человека да 2055 дезертиров. Австрийский корпус Лаудона потерял 893 человека убитыми, раненых в нем было 1398. Победители взяли 28 знамен и 172 пушки.

Фридрих II, который намеревался уничтожить русское войско и в минуту успеха на левом крыле уже послал в Берлин гонца с вестью о победе, - Фридрих II едва спасся от смерти или плена и этим спасением был обязан ротмистру Притвицу, который с 40 гусарами успел отвезти его невредимым с поля сражения. Фридрих в таких словах уведомил графа Финкенштейна о положении дел: "Наши потери очень значительны; от армии: в 48000 человек у меня в эту минуту не остается и 3000. Все бежит, и у меня нет больше власти над войском. В Берлине хорошо сделают, если подумают о своей безопасности. Жестокое несчастье; я его не переживу. Последствия битвы будут хуже, чем сама битва: у меня нет больше никаких средств и, сказать правду, считаю все потерянным. Я не переживу гибели моего отечества. Прощай навсегда".

Фридрих *на время своей тяжелой болезни* сдал начальство над войском генералу Финку с инструкцией: так как несчастная армия не в состоянии биться с русскими, то пусть по крайней мере нападет на Лаудона, если тот пойдет на Берлин.

Елисавета, получивши в Петергофе известие о "преславной" победе, одержанной над самим прусским королем, поспешила в Петербург, где в церкви Зимнего дворца отправлен был молебен при пальбе изо всех пушек вокруг крепости и Адмиралтейства. Солтыков был произведен в фельдмаршалы; Фермору и Броуну даны земли в Лифляндии; князь Голицын произведен в полные генералы, Волконский - в генерал-поручики; другие генерал-поручики, в том числе и Румянцев, получили орден

Александра Невского; Панину и Лаудону даны шпаги, украшенные бриллиантами.

Мария-Терезия прислала Солтыкову бриллиантовый перстень, табакерку, осыпанную бриллиантами, и 5000 червонных; Фермору - перстень и 4000 червонных; графу Румянцеву - 2000; Вильбуа - столько же; Панину - 1500; генерал-квартирмейстеру Штофелю - 1000.

5 августа русская армия перешла Одер по двум мостам, устроенным близ Франкфурта.

11 числа Солтыков ездил в город Губен для свидания с графом Дауном. Австрийский фельдмаршал начал разговор тем, что теперь русской армии надобно отдохнуть, австрийской - работать, поэтому русская армия должна остаться несколько времени подле Франкфурта, а потом вместе с австрийскою идти в Силезию. Солтыков согласился остаться под Франкфуртом недели две или дней с десять, смотря по тому, на сколько времени достанет фуражу. В фураже скоро оказался недостаток, и Солтыков послал сказать Дауну, что принужден двинуться к Мильрозену, а оттуда далее к Губену для получения провианта и фуража из находившегося там австрийского магазина, а между тем не угодно ли будет графу Дауну соединенными силами напасть на разбитого прусского короля. По прибытии к Рогенвальду, не доезжая версты три до Мильрозена, Солтыков послал опять к Дауну с тем же предложением, прибавив, что если русско-австрийская армия разобьет короля прусского, то получит возможность идти куда захочет - к Берлину, в Саксонию или в Силезию на принца Генриха - и тем ускорит окончание войны; а он, Солтыков, оставя Франкфурт и не находя при Мильрозене фуража, принужден будет идти к Либрозену и этим удалением от реки Одера потерять сообщение с Пруссиею, Познанью и рекою Вислою. Солтыков действительно двинулся к Либрозену и расположился при нем лагерем, когда получил известие, что Фридрих II, оправившись духом и собравшись с силами, отошел от Фюрстенвальде и расположился по той стороне реки Шпре, принудив австрийские форпосты перейти на эту сторону реки; с другой стороны, из Губена от австрийского генерала получено было известие, что неприятель в Сорау. Солтыков понял из этого, что неприятель хочет напасть на русскую армию с двух сторон: с одной стороны - сам король, а с другой - принц Генрих, и потому послал спросить Дауна, какие меры он принимает; Солтыков находился в большом беспокойстве насчет того, что Даун, как было видно, не хотел давать сражения принцу Генриху. 20 августа австрийский генерал Гаддик, находившийся при русском войске с своим отрядом, дал знать Солтыкову, что неприятель, маршируя близ его лагеря, перестреливается с его людьми. Солтыков тотчас поехал туда со всем генералитетом и застал неприятеля, идущего под прикрытием конницы; русские и австрийские гусары с чугуевскими козаками беспокоили его до самых сумерек, но до значительного дела не дошло. На другой день в третьем часу утра Даун

прислал сказать Солтыкову, что когда прусский король повернет в Саксонию, то русская армия двинулась бы к Либену, чтоб удержать его шесть или семь дней от вступления в Саксонию; он, Даун, в это время пойдет навстречу к принцу Генриху и даст ему битву, а не допустит соединиться с королем. Солтыков отвечал, что за королем к Либену не пойдет, ибо отдалением от Одера не хочет подвергнуть армию опасности быть отрезанною от сообщения с Познанью, откуда ожидается не только провиант, но значительная денежная сумма, несколько полков, лошади и артиллерия; если же прусский король пойдет на Котбус, то русское войско станет препятствовать ему соединиться с принцем Генрихом. 25 числа приехал к Солтыкову от Дауна генерал Буков опять с требованием, чтоб русская армия шла к Пейцу для воспрепятствования королю отправить войско в Саксонию. Солтыков отвечал прежнее, что не пойдет к Пейцу, чтоб не потерять сообщений с Польшею и Пруссиию. "Неприятель, - продолжал Солтыков, - уже занял место около Пейца, так разве мне его атаковать и оттуда выгнать; на это я отважиться не хочу, ибо и без того вверенная мне армия довольно сдержала неприятеля и немало претерпела; теперь надобно бы нам покой дать, а вам работать, потому что вы почти все лето пропустили бесплодно". "Да, - отвечал Буков, - благодаря вам у нас три месяца руки были связаны", давая этим знать, что русская армия двигалась очень медленно. "Правда, - возразил Солтыков, - нас можно попрекать за то, что мы неприятеля из Польши выгнали, разбили его и на положенный планом срок пришли к реке Одере. Умалчивая о втором поражении неприятеля, мы этим одним столько сделали, что весь беспристрастный свет нам хвалу приписать должен; однако я об этом долее не распространяюсь и, возвратясь к главной материи, объявляю, что мне долго здесь пробыть нельзя, фуражу нет, буду стоять сколько можно, а потом пойду к Губену и расположусь между реками Пейсом и Бобром, где еще фураж есть".

Между тем 18 августа написан был в конференции указ Солтыкову: 1) графу Дауну представить, чтоб он принца Генриха удалил от центра настоящих операций и привел в бездействие, к чему он имеет множество способов. 2) Отвлекая принца Генриха в Верхнюю Силезию и удерживая его там корпусом генерала Гарша граф Даун сам от Лузании перерезал бы Силезию, завладел бы сперва Лигницом и Глогау, а потом старался бы взять и Швейдниц и тем принца Генриха навсегда отрезать от короля и заключить в Верхней Силезии. 3) Представить ему, что в таком случае он, граф Солтыков, вместе с корпусами генералов Гаддика и Лаудона будет действовать против короля в Бранденбурге, чтоб отрезать его в этой области точно так же, как принц Генрих будет отрезан в Силезии. 4) Если граф Даун все это исполнит, то граф Солтыков, конечно, останется там на зимние квартиры, а именно имея Глогау центром, а Кроссен впереди или на правом фланге и распространяясь между реками Одером и Бобром. 5) Если же граф Даун этого не исполнит, то все полученные от победы выгоды уйдут из рук, и хотя бы мы на будущую кампанию могли собрать вдвое большую армию и быть вдвое больше победителями, то все эти победы

послужат только к истреблению рода человеческого и к продолжению войны, потому что наша армия при всех своих победах по отдалению от своих границ и магазинов одна сама собою не может утвердиться в неприятельской земле, и графу Дауну по всей справедливости должно по крайней мере приготовить ей спокойные и безопасные квартиры, и как ни печально было бы графу Солтыкову не воспользоваться такими выгодами и не распространять своих побед далее или остановить операции в такое время, когда оставалось почти только покончить войну и по крайней мере положить тому прочное основание, однако он найдется принужденным отступить к таким местам, где армия могла бы найти необходимое по таких трудах отдохновение.

3 сентября Солтыков отправил к Дауну генерал-поручика графа Румянцева объявить ему, что русская армия терпит крайний недостаток в фураже и потому пойдет от Либроза через Губен на Зоммерфельд, Христианштадт и Фрейштадт, держась поблизости реки Одера и Глогау, в надежде, что в тех краях, где еще значительного войска не бывало, можно найти достаточное количество фуража; но так как в исполнение воли императрицы надобно зимние квартиры занять в Силезии, а не овладев ни одною крепостию, армии в неприятельской земле расположить нельзя, то требовать от австрийского фельдмаршала вспомогательного корпуса от 10 до 12000 человек, осадной артиллерии и обнадеживания, что в провианте и фураже недостатка не будет. Румянецв возвратился с обещанием, что все эти требования будут исполнены, и застал Солтыкова уже у Губена. Вспомогательный корпус действительно был прислан; но когда русская армия подошла к Христианштадту, то вместо обещанных 20000 центнеров муки в магазине этого города найдено было только 600 центнеров. В тоже время получено было известие, что Фридрих II идет на соединение с принцем Генрихом, а граф Даун, вместо того чтоб не допускать этого соединения или, допустивши, преследовать прусскую армию, чтоб поставить ее между двумя огнями, принял намерение идти к реке Эльбе в Саксонию. Видя, что чрез это удаление австрийской армии нет никакой возможности получить спокойные зимние квартиры в Силезии, Солтыков решился перейти Одер.

Но оказалось, что Фридрих II с принцем Генрихом не соединился и Даун в Саксонию не пошел, а стал преследовать принца Генриха; несмотря на то, Солтыков доносил, что так как время позднее, да и трудно брать крепость Глогау, и так как в неприятельской армии считается еще до 30000 человек, то он, Солтыков, переправляется через Одер, и если Лаудон перейдет с ним туда же, то останется в Силезии до 4 октября, а если Лаудон от русской армии отойдет, то последняя и скорее станет отступать к реке Висле. Тогда 28 сентября в конференции составлен был такой рескрипт к Солтыкову: "Так как армия ваша и кроме вспомогательного австрийского корпуса сильно превосходит королевскую, то не скроем от вас, что мы не ожидали такого решения, какое вы приняли. Правда, вы имеете важное основание - недостаток хлеба, но мы не можем не заметить, что и это основание

становится очень слабым, ибо тотчас после Франкфуртского сражения этот же предлог предьявлялся, чтоб держать нашу армию в бездействии, и, однако ж, она пробыла в тех местах больше месяца. Правда, что Лаудон взял на себя доставлять пропитание нашей армии и не доставил; но по крайней мере следовало вам несколько рассмотреть, было ли к тому время и способы, а не требовать, чтоб завтра же непременно было исполнено то, о чем согласились сегодня, ибо этим легко может возбудиться подозрение, что ищут одних только предлогов, а мы вам не раз объявляли, что искренностью хотим превосходить и убеждать наших союзников, хотя б они пред нами несколько и виноваты были. Подозрение может усилиться, ибо когда Лаудон 600000 имперских гульденов получил и с ними для закупки провианта в Польшу послать хотел, требуя только от вас позволения командировать туда несколько полков, то вы очень лаконически ему в этом отказали и точно так же лаконически отписали к графу Дауну, так что последний, конечно, найдется в большом затруднении, оставлять ли ему при вас генерала Лаудона с корпусом или к себе взять, ибо вы относительно этого ему ничего не написали. Не скроем от вас и того, что мы, к сожалению нашему, примечаем некоторую внутреннюю холодность между вами и графом Дауном, которую, конечно, в самом начале надобно было бы истреблять, а не усиливать. Было от нас вам предписано не подвергать напрасно нашу армию видимой опасности, но это предписание нельзя относить ко всем случаям. Вам даны и другие предписания также общего характера, но более приложимые к настоящим обстоятельствам. Например, вам сказано, что хотя и должно заботиться о сбережении нашей армии, однако худая та бережливость, когда приходится вести войну несколько лет вместо того, чтоб окончить ее в одну кампанию, одним ударом. Потом дано вам точное повеление стараться об уменьшении сил короля прусского и не упускать из рук такого случая, где можно заслугу нашу пред всею Европою сделать знаменитою и совершенною. Таким образом, и теперь мы надеемся, что если вы действительно останетесь в Силезии по 4 октября, а король прусский далеко от брата своего и вблизи вас находиться будет и генерал Лаудон от вас не отделится, следовательно, у вас будет превосходное число людей и артиллерии, то, конечно, вы приложите все старания напасть на короля и разбить его". Рескрипт оканчивался приказанием расположиться на зимние квартиры около Познани и отступать к Висле только в крайнем случае, когда дела Дауна пойдут очень дурно и Лаудон оставит русское войско.

Между тем Солтыков от 29 сентября переслал в Петербург копию с письма Лаудона, из которого было видно, что маневрами Солтыкова король так сдержан в Силезии, что, опасаясь за Бреславль и Верхнюю Силезию, не может отделить от своей армии ни одного отряда на помощь принцу Генриху, а это было очень полезно общему делу, ибо давало графу Дауну возможность действовать. Но Лаудон в письме своем высказал также мнение, что русской армии надобно остаться в Силезии до конца октября по новому стилю. "На это, - писал Солтыков в Петербург, - я никак не могу согласиться. Русская армия слишком много сделала: для союзников,

отрицать этого никто не может и никто не может от нее требовать большего в такое позднее годовое время. Конечно, пребывание русской армии в Силезии до конца октября доставило быту пользу, что прусский король не успел бы нынешним годом продрагаться в Богемию и граф Даун утвердился бы в Саксонии; но может ли эта польза пересилить вред, который наносили русской армии долгим изнурительным пребыванием ее в Силезии, где она не имеет магазинов для своего пропитания, где она ежедневно должна вырывать фураж почти из неприятельских рук. После губенского свидания я предлагал графу Дауну соединенными силами напасть на короля и разбить его, потом вытеснить принца Генриха из Силезии и забрать тамошние крепости для обнадежения зимних квартир. Тогда довольно оставалось для этого времени; перезимовав вблизи неприятеля, мы могли бы рано открыть кампанию, отнять у неприятеля Саксонию и преследовать его в Бранденбурге, чем можно было бы добыть скорый мир. А теперь мне больше ничего не остается, как заботиться о сохранении армии и нынешнюю кампанию окончить с неувядаемою славою. До конца октября армии в Силезии продержаться нельзя по недостатку хлеба и фуража, епанеч и обуви; но я готов додержать обещанный срок, т. е. остаться до 15 октября н.ст., и, пожалуй, еще несколько дней сверх срока, а там пойду к Висле на зимние квартиры. Итак, всемиловейшая государыня, уповаю, что высокие союзники армиею вашего величества и моими поступками довольны быть могут. Позиция короля прусского на сей стороне Одера около Геренштата, расстоянием от нашей армии милях в двух, подает повод к ежедневному сражению между легкими войсками. Если б я и нашел случай напасть на короля, то и победа по нынешним обстоятельствам была бы более в тягость, чем к выгоде, умалчивая о том, что пришлось бы пожертвовать немалым числом храбрых воинов, которые гораздо будут нужнее в будущую кампанию. Сверх того, неприятель всегда в таких крепких и неприступных местах стоит лагерем, что никаким образом к нему приступить нельзя". Оправдывая себя относительно Дауна, Солтыков писал: "Граф Даун объявляет, что принял намерение идти к Саксонии, и двинулся туда 9 (20) сентября, получив от меня известие, что я положил перейти реку Одер; но мог ли граф Даун 9 (20) сентября получить мои письма о переходе через Одер, когда одно было от 15 (26) сентября, а другое от 18 (29)? Не ясно ли, что он гораздо прежде не только получения, но и отправления моих писем решился идти в Саксонию и удалиться от русской армии, что меня и побудило переходить за Одер и направляться к Висле".

Относительно указания из Петербурга на Познань как место, которое должно было выбрать для зимних квартир, Солтыков писал, что Познань место ненадежное и неспособное, окрестность вся вытравлена, сена и стебля нет. Из Петербурга Солтыков известился, что Эстергази по указу императрицы-королевы принес горькие жалобы не только на бездействие русского войска, но еще больше на то, что от него, Солтыкова, никогда ни о чем нельзя было получить ни решительного, ни удовлетворительного

ответа, так что письмо к нему, Солтыкову, графа Кауница от 9 сентября нов. стилия почти целый месяц оставалось без ответа. Поэтому Эстергази требовал, чтоб Солтыков с Лаудоном не только производили сильные операции в Силезии, но и старались остаться там на зимних квартирах; чтоб по крайней мере действия русской армии продолжались до тех пор, пока австрийская армия останется в поле, или бы Солтыков, соединя с Лаудоном русский корпус от 20 до 30000 человек, отправил его в наследственные земли Марии-Терезии.

В рескрипте от 7 октября, извещавшем Солтыкова об этом, говорилось: "Что касается жалоб, то мы старались отклонить их и пресечь пристойным образом по многим и очень важным причинам, особенно чтоб, по пословице, на дележе не поссориться и от такого великого и славного союза, какого почти еще не бывало, вместо ожидаемой пользы и славы не произошли одне досады, нарекания и вредная на будущее время холодность, которой тем более следует избегать, что прусский король не только старается войти в союз с Портою, но и со стороны Порты оказывается к тому большая податливость; двумя вашими победами Порты была приведена в размышление и, почитая погибель короля прусского неизбежною, остановилась входить с ним в обязательства; однако опасение наше не миновалось: бездействие победителя, когда он был усилен новыми и свежими войсками, умалит его победы, а спасение короля прусского, которое должно быть приписано не искусству его, но слепому счастью, составит его славу и, быть может, еще более поднимет его в глазах турок, особенно если при том подастся подозрение, что тесная дружба между нами и венским двором обратилась в холодность. Поэтому прилежнейше рекомендуем вам предать вечному забвению все то, что бы вы ни имели к неудовольствию против австрийского генералитета. Равным образом отклонили мы важными и доказательными резонами, *а не сухими и досадительными отказами* все прочие австрийские требования и объяснили надобность и пользу того, чтоб Лаудон остался зимовать при Познани".

Рескрипт от 13 октября заключал в себе еще большие жесткости.

В нем Солтыков нашел прямой выговор за дурное обращение его с Лаудоном, вследствие чего союзники, пожалуй, никогда больше не будут присылать к нам своих войск на помощь. Предлагалось взять в образец адмирала Мишукова, который так хорошо обходился с шведским флотом, отданным ему в команду, что шведы и на другой год прислали свои корабли в команду адмиралу Полянскому. Поставлялось на вид, что дурное обращение с Лаудоновым корпусом может произвести злобу и в наших единоверцах (славянах), находящихся в этом корпусе. Далее говорилось: "Вы пишете, что ваши движения по реке Одере произвели опасение короля насчет Бреславля и доставили льготу графу Дауну; движения ваши вверх по реке Одере всякой похвалы достойны и приносят много пользы общему делу; если бы вы во время долгого стояния вашего при Мильрозе и

Либрозе хотя малыми движениями заставили прусского короля чего-нибудь опасаться, то, и стоя на месте, умножили бы свою победу. Вы думаете, что Лаудонов корпус надобно расположить около Познани и по Варте до Калиша; это очень хорошо и согласно с нашим намерением; но не можем скрыть нашего удивления, каким образом вы прежде представляли, что там фуража и стебля нет, а теперь фураж нашелся, когда явилась надобность доставить там Лаудонов корпус? Потом в реляции вашей, конечно канцелярскою ошибкою, вкралось неосторожное выражение: упомянуто, что пребыванием Лаудона в означенных местах армия наша прикрывается с силезской и бранденбургской стороны; такое своекорыстное и союзникам нашим крайне обидное объяснение очень далеко от *нежности наших сентиментов*, умалчивая о том, что бесчестно для нашей армии, чтоб в поле торжествующую и на квартирах за рекою Вислою от неприятеля весьма удаленную прикрывал слабый в сравнении с нею австрийский корпус. Вы пишете, что если б вы, нападши на короля прусского, и победили его, то победа по нынешнему времени была бы больше в тягость, нежели в пользу. Об этом мы сожалеем по важным причинам: во-первых, так как король прусский уже четыре раза нападал на русскую армию, то честь нашего оружия требовала бы напасть на него хотя однажды, а теперь тем более, что наша армия превосходила прусскую и числом, и бодростию, и толковали мы вам пространно, что всегда выгоднее нападать, чем подвергаться нападению. Во-вторых, король прусский, несмотря на то что побежден, не только не удалился от нашей армии, но в виду ее переходит малыми корпусами через реку Одер; а это происходит, конечно, от уверенности, что на него не нападут; отсюда крайнее зло, что он и разбитый не бежит, а беспокоит победителя; а если бы он хотя однажды подвергнулся нападению и был бы разбит, то вперед с малыми силами всегда отступал бы далее, а наша армия имела бы больше спокойствия и удобнейшее пропитание. Прусский король только потому к вам приближается, что не ожидает на себя нападения, и потому без сомнения надобно полагать, что если б он ожидал нападения, то сейчас же отступил бы за Одер, и если б вы предприняли наступательное движение, то до битвы не дошло бы, а между тем вы могли бы объявлять, как теперь делает граф Даун, что вы рады были бы энергически действовать, но неприятель от вас бегаёт и вам в чужой земле за ним угнаться нельзя".

В Петербурге австрийский двор заявил три требования: 1) чтоб русская армия вместе с Лаудоновым корпусом продолжала военные действия в Силезии и заняла там зимние квартиры, или 2) чтоб по крайней мере русская армия действовала до тех пор, пока австрийская останется, или 3) чтоб корпус русской пехоты от 20 до 30000 человек вместе с Лаудоновым корпусом отправлен был в наследственные земли Марии-Терезии. При этом Эстергази на конференции с Воронцовым позволил себе прибавить: "Публика и разные дворы ставят графу Дауну в вину, зачем он один не преследовал прусского короля, видя, что русская армия победами своими не пользуется; но двор наш, сколько славе своего оружия не усердствует, предпочитает оставить генерала своего в нарекании, чем открывать

прямую причину бездействия, заключающуюся в поведении русского генералитета. Впрочем, из находящихся при армиях иностранных офицеров многие начинают порочить поступки русских командиров, приписывая выигрыш последней битвы больше отчаянному неприятельскому нападению, чем их искусству; говорят и то, что причина всему бездействию - полученные графом Солтыковым тайные указы от своего двора и скрытное согласие России с Англиею". 8 октября дан был Эстергази ответ: на первые два требования заметили, что удовлетворять им теперь уже поздно, когда русская армия перешла Одер. Относительно третьего требования дан был пространный ответ: "Неужели при дворе императрицы-королевы думают, что корпус русской пехоты от 20 до 30000 человек может оказать общему делу большую услугу, чем вся русская армия? Несчастью только приписывать надобно, что нельзя было пользоваться или не пользовались удобным случаем, когда наибольшая часть прусских сил обращена была против нашей армии и когда потом неприятель был поражен нашею армиею. Очень было бы желательно иметь возможность отправить требуемый корпус в австрийские земли и затем с не меньшею силою действовать против короля прусского; но это дело невозможное. По последним донесениям из нашей армии, она простиралась до 60000 человек всех чинов и всякого войска, кроме находящихся в Пруссии и по реке Висле и кроме 15000 больных, а больше раненых. Но в этих 60000, конечно, немного больше 30000 человек таких пехотных солдат будет, которые действительно быть под ружьем и сражаться могут и каких мы хотели бы отправить на помощь австрийской армии; поэтому надобно бы было отправить все наши пехотные полки. Но этим мы навсегда разорили бы нашу армию, ибо отправленные пехотные полки, не имея возможности рекрутоваться в австрийских владениях, нечувствительно исчезли бы, а мы здесь, какие бы наборы ни делали, не могли бы скоро составить новых полков и привести их в надлежащий вид, умалчивая о том, что оставшееся войско подверглось бы неминуемой гибели, умалчивая и о том, что прибывающие новые солдаты ободряются старыми и скоро получают вид старых и надежных к победе, тогда как совершенно новых людей обучать победе надобно поражениями. Таким образом, отправив 30000 пехоты в австрийские владения и не имея возможности поставить против неприятеля новую и страшную ему армию, мы были бы принуждены перевезти в Россию магазины, больных и артиллерию. Тогда-то все имели бы полное право подумать, что мы наскучили войною, что посылкою тридцатитысячного войска хотели исполнить только союзные обязательства, а в прочем быть нейтральными. Тогда-то имели бы право приписывать нам тайные виды и соглашения с Англиею, но теперь нет никакой причины к такому оскорбительному для нас и недостойному для императрицы-королевы подозрению. Мы никогда не подали повода упрекать нас в двоедушии; мы ничего не обещали, чего бы не постарались исполнить на самом деле, и если бы когда-нибудь своекорыстным поведением наших союзников мы были принуждены отстать от настоящей системы, то прямо предупредили бы об этом наших

союзников и возвратили бы наши войска, но не помрачили бы вероломством славы, добытой драгоценной кровью наших подданных. Дальнейшее объяснение мы теперь оставляем, сожалея, что принуждены были и столько сказать, сколько сказано".

Не остались без ответа и жалобы венского двора на Солтыкова; жалобы состояли в том, что фельдмаршал упускает из рук все случаи пользоваться полученными выгодами, не принимает никаких представлений, изъясняется недостаточным и двусмысленным образом, не исполняет данных обещаний и поступает даже прямо вопреки им. "Мы, - говорилось в ответе, - не будем здесь повторять того, что славного и полезного для общего дела совершено нашею армиею, вследствие чего последующее ее бездействие могло бы быть легко терпимо; согласимся сами, что осторожность нашего генералитета после Франкфуртского (Кунерсдорфского) сражения была чересчур велика, что побежденная прусская армия могла бы погибнуть вследствие некоторых движений нашей армии и что при этом не следовало бы бояться и третьей новой битвы. Но когда с совершенным беспристрастием и с не меньшим вниманием разобрать все происходившее до Франкфуртской битвы и после нее, то, конечно, надобно, с одной стороны, удивляться, каким образом могла наша армия так долго удерживать прусскую, а с другой стороны, надобно крайне сожалеть, что, между прочим, то, может быть, было главною причиною вредного бездействия, что не ожидали таких великих успехов, какие имела наша армия. Так, граф Даун, получа известие о приближении прусской армии к Познани и опасаясь, что наша, быть может, не придет в положенный срок к реке Одере, остановил свои успешно начатые операции и не принимал тех мер, которые, конечно, принял бы, если б не так много сомневался в точном исполнении с нашей стороны всего обещанного. Из этого видно, что уже тогда больше старались о том, чтоб неисполнение плана сложить на наш генералитет, нежели о том, чтоб, исполняя его, с своей стороны сделать исполнение его и для нас удобнейшим. Наш фельдмаршал граф Солтыков едва прибыл в Познань для принятия команды над армиею, как принял такие меры, что неприятель не только принужден был возвратиться, но не успевал и отступать, чему доказательством служит пресечение ему пути к Кроссену и победа над ним при Пальциге. Но фельдмаршал Солтыков во время своего похода получил от графа Дауна одно досадное выражение сомнения, что наша армия могла тронуться от Познани; никакое со стороны графа Дауна предприятие не поощряло в графе Солтыкове ни ревности, ни надежды исполнить свое намерение, так что граф Солтыков, прибывши к Кроссену, даже не знал, где находится армия графа Дауна, и для проведения об ней должен был отправлять нарочные партии.

Действительно, на встречу к нему явился генерал Лаудон, но предложения, с какими он приехал, могли истощить терпение самого большого флегматика: он приехал уведомить, что король прусский с большею частью сил своих обратился против нашей армии и соединился уже с разбитою

Веделевою армиею; но, вместо того чтоб для ободрения нашей армии тотчас сообщить, какие граф Даун принимает меры, как хочет воспользоваться слабостью оставшихся против него прусских сил, требовал, чтоб немедленно отпущено было с ним 30000 нашей пехоты на помощь к графу Дауну и чтоб позволено было ему взять с Франкфурта, нашим войском уже занятого, миллион контрибуции и разделить его пополам с нашею армиею.

Граф Солтыков дал такую битву, которая если бы и не совсем была удачна, то ослаблением сил короля прусского была бы полезна нашим союзникам, а в случае благословения Божия для всей войны решительна. Таким образом, критика иностранных офицеров на такую славную битву, которая, конечно, пребудет лучшим эпоком их жизни, совсем нескладна; еще меньше можно было ожидать, чтоб наилучшие наши союзники употребляли ее к обвинению нашего генералитета, когда признаться надобно, что остановить приобретенные вначале успехи неприятеля, всю армию в кровопролитном и жестоком бою перестроить и, наконец, одержать совершеннейшую победу там, где для многих других армий поражение казалось бы неизбежным, служит доказательством неустрашимого мужества и присутствия разума. Показан почти новый в войне пример, который, конечно, заставит короля прусского последовать другим правилам и меньше полагаться на свое счастье и ярость нападений.

Легко себе вообразить, с каким сожалением мы теперь видим, что оканчивается почти без всякого плода наилучшая кампания, что обманывается весь свет в несомненном ожидании и что, наконец, мы находимся в неприятном положении слушать нарекания и входить в самые неприятные объяснения в то время, когда следовало бы соглашаться о будущем благосостоянии Европы! Граф Даун после Франкфуртского сражения действительно присылал с предложением, чтоб заблаговременно подумать о зимних квартирах, что очень справедливо и похвально было, но он избирал для того Верхнюю Силезию и предполагал предварительную осаду Нейса и Брига, столь отдаленных от центра действий и от наших границ, что граф Солтыков, конечно, мог утвердиться во мнении, что стараются сделать из нашей армии помощный для австрийской армии корпус, вместо того чтоб сильным действием против принца Генриха и осадю Глогау и лучшие квартиры очистить, и Саксонию освободить. Вместо этого, ожидая сомнительных происшествий и не приняв достаточных мер к пропитанию, наконец нашлись в необходимости - австрийская армия прикрывать свои магазины, а наша искать пропитания и доставлять его еще Лаудонову корпусу, тогда как генерал Лаудон должен был заботиться о пропитании нашей армии, и так как недостаток продовольствия заставил и барона Лаудона переправиться на ею сторону реки Одера вместе с нашею армиею, то не можем понять, каким образом вся наша армия могла там действовать с желаемою ревностью.

У нас нет вовсе намерения ни жаловаться на графа Дауна, ни оправдывать излишнее неудовольствие и неподатливость нашего генерала (хотя, быть может, повод к ним был подан сначала сомнением в его успехах, быть может, доходили до него и слухи, что его критикуют). Стараясь, как можно, исправить испорченное, мы нашему фельдмаршалу графу Солтыкову накрепко предписали все прошедшее предать вечному забвению и стараться всеми средствами, чтоб доверие и согласие между главнокомандующими вполне соответствовали дружбе и доверию между обоими императорскими дворами. Но для этого надобно, чтоб императрица-королева дала такие же повеления и своему генералитету и чтоб заслуженное нашим войском доверие не было уменьшаемо такими сомнениями и гаданиями, которые, быть может, основаны на оскорбительном предубеждении".

Неудовольствия между двумя императорскими дворами были тем опаснее, что ослабевала надежда на продолжительную и сильную помощь другой союзницы - Франции. В начале года беспокойства императорских дворов насчет того, чтоб Франция не заключила отдельного мира, были рассеяны решительным объявлением Людовика XV, что хотя для ведения двойной войны, на сухом пути и на море, не получает он от своих союзников никакой помощи, хотя расходы на войну с Англиею громадны, однако он всегда готов исполнить все, что можно ему сделать в пользу общего дела; он возобновляет российской императрице данные ей на письме обнадеживания о твердом желании своем удалять всякое подозрение, могущее повредить счастливому союзу между Франциею и Россиею; повторяет обещание и обнадеживание, что он без согласия российской императрицы и императрицы-королевы не вступит ни в какие переговоры с общим неприятелем. Король готов подтвердить это новыми договорами, если обе императрицы их пожелают; он усугубит свои обязательства для сохранения столь драгоценного ему русского союза. Хотя король для общей пользы и для собственного интереса крайне желал бы, чтоб государыня российская вступила с ним в особенные обязательства против Англии, главной виновницы настоящих в Европе бедствий, однако если российская государыня думает, что она не может вступить по этому предмету в соглашение с королем, то он, несмотря на всю тяжесть английской войны, готов употребить все свои силы против короля прусского в пользу своих союзников для показания, что он обеим императрицам и королю польскому так же усердствует, как и самому себе.

Но истощенные финансы Франции заставляли ее желать скорого мира, и герцог Шуазель обратился к русскому послу с упреком, с какой стати Россия таким неслыханным образом доставляет выгоды прусским владениям, занятым ее войском, с какой стати берутся с них такие малые обыкновенные подати и чрезвычайные контрибуции, тогда как прусский король не только Саксонию и Мекленбург, но и всякую землю, какую только захватит или только мимо пройдет, вконец разоряет, следовательно, нечего щадить и королевство Прусское, надобно взыскивать с пруссаков

такие большие деньги, которые бы облегчили содержание русского войска, в противном случае королевство Прусское не только не истощается, но еще богатеет деньгами, которые оставляет в нем русское войско. Такой образ действия нисколько не согласен ни с русскими, ни с общими интересами, потому что прусский король, видя свои земли в таком прекрасном положении, не имеет побуждения склониться на скорый мир. Воронцов заметил на этой депеше Бестужева: "По неведению прямого состояния доходов в Пруссии всяк может о собирании контрибуции сравнение полагать с Саксониєю и Мекленбургиею, токмо мы ныне искусством удостоверены, что наложенные контрибуции прусские жители не в состоянии заплатить как за неимуществом своим, так и за недостатком ходячей монеты, которая из земли королем прусским вывезена; а употребленные отсюда великие суммы денег на содержание здешней армии почти все в Польше к немалому обогащению поляков издержаны. Впрочем, худому примеру короля прусского последовать не должно".

В августе Бестужев доносил, что во Франции все вообще удивляются, для чего фельдмаршал Даун до сих пор ничего еще не предпринял, сильно ропщут на него за то, что он уже слишком бережет свое войско и рад тому, что другие отдают себя на жертву за Австрию. Герцог Шуазель дал это понять австрийскому послу графу Штарембергу в присутствии Бестужева, расхваливая храбрость русского войска по поводу Кунерсдорфской битвы.

Неудовольствия между обоими императорскими усиливали надежду на мир в Пруссии и Англии. Еще в июне месяце Фридрих II писал Георгу II английскому, что все усилия с их стороны разорвать неприятельский союз остаются тщетными, что надобно кончить тяжкую и кровопролитную войну и, воспользовавшись первыми благоприятными событиями, объявить врагам, что в Лондоне и Берлине склонны к открытию мирного конгресса. В Англии это предложение было принято очень охотно; в Лондоне составили декларацию и ждали только благоприятных обстоятельств, чтоб дать ей ход. Но вместо благоприятных обстоятельств пришло известие о Кунерсдорфской битве. Прусский министр Финкенштейн в отчаянии писал прусскому послу в Лондоне Книппгаузену: "Только чудо может нас спасти; поговорите с Питтом как с другом, а не как с министром, представьте этому великому человеку грозную опасность, которой подвергается вернейший союзник Англии, быть может, он в состоянии устроить мир". Сам Фридрих писал Книппгаузену: "Постарайтесь, как добрый гражданин, нельзя ли завязать мирные переговоры между англичанами и французами. Когда англичане получат добрые вести из Америки, то это будет благоприятная минута. Многочисленные враги меня сокрушают". Действительно, скоро после того начали приходить вести о блестящих успехах англичан на море и в Америке, и дело о конгрессе пошло снова.

23 октября Кейт на конференции с Воронцовым внушал ему, что короли английский и прусский готовы возобновить с Россиею прежнее согласие и

что русскому двору можно бы начать об этом дело и без союзников своих. "Со стороны императрицы, - говорил Кейт, - больше сделано, чем сколько обязательства ее простирались, и для России нет никакой пользы быть в союзе с Франциею, которая всегда была завистницею России и теперь имеет свои замыслы относительно преемства польского престола, чему у меня есть ясные доказательства". "Канцлер, - говорит записка о конференции, - удаляясь от вступления в дальнейшие изъяснения о сей материи, довольно понимая, в каком намерении, хотя и в генеральных терминах, сии отзывы учинены, оказал удивление, что французский двор замышляет о возведении кого-либо на польский престол". Через месяц, 24 ноября, Кейт передал Воронцову копию с декларации, которую положено было сделать в Гаге от имени английского и прусского королей министрам русскому, австрийскому и французскому. В декларации говорилось, что короли английский и прусский готовы выслать своих уполномоченных для переговоров о прочном и общем мире с уполномоченными воюющих сторон в то место, которое сочтется удобнейшим для этого. На оба предложения дан был 1 декабря такой ответ: "Императрица приняла с благодарностью внимание его британского величества, выраженное в предварительном сообщении декларации, которая имела быть сделана в Гаге. Так как эта декларация должна быть сделана не ей одной, то она и не может отвечать на нее с точностью, пока не согласится с своими союзниками. Между тем ее импер. величеству донесено о словесных внушениях г. посланника, сделанных канцлеру 23 октября, и на это императрица в ответ объявить повелела, что, конечно, всегда главным ее старанием было и будет жить со всеми державами в добром согласии, и весь свет знает, что, чем упорнее ведет она настоящую войну, тем неохотнее начала ее, и начала только тогда, когда все ее декларации остались без действия при берлинском дворе и союзники ее подверглись нападению. Императрица сильно страдает от пролития столь многой невинной крови; но желаемый мир еще очень далек, если нет на него другой надежды, как только надежда на миролюбивые склонности ее величества. Императрица непоколебимо намерена свято и точно исполнить свои торжественные заявления - доставить обиженным сторонам достойное и праведное удовлетворение, заключить мир не иначе как на честных, прочных и выгодных условиях и по соглашению с своими верными союзниками и отнюдь не допускать, чтоб мнимою пощадою на время невинной крови оставить спокойствие Европы в прежней опасности. Но если будут предложены условия, удовлетворительные для обиженных и удобные к принятию, то императрица немедленно согласится на все то, что признано будет за благо ее союзниками".

В то же время дана была записка австрийскому и французскому послам: "Мы надежно уведомились, что король прусский с ведома и согласия Англии при некоторых дворах внушал, будто Франция, не столько соскучась войною, сколько завидуя успехам нашего оружия, склонна к примирению с Пруссиею и даже начала об этом дело. Лондонский двор приметно старался довести это известие до нашего сведения, из чего мы

заклучили, что таким коварством хотели только союзников своих в Германской империи ободрить, а между нами и нашими союзниками произвести неприятные объяснения. Мы хотели оставить это в презрительном молчании, тем более что уверены в твердости и праводушии своих союзников, знаем, с каким достоинством его христианнейшее величество отверг мирные предложения, сделанные ганноверским генералитетом. Но так как потом посланник Кейт внушал, что Россия могла бы заключить отдельный мир с королем прусским, в то же время назначенный для размена пленных прусский комиссар генерал-майор Виллих объявил нашему генерал-майору Яковлеву, что граф Финкенштейн уведомил его, будто с Франциею начаты мирные переговоры, а с другой стороны, в Гаге сделана декларация об общем мире, то кажется, что Пруссия и Англия, внушая нам и Франции об отдельном мире, стараются вселить подозрения между союзниками и ослабить великий союз, а как скоро одна держава заключит отдельный мир, то и другие будут стараться о том же; декларациею же, сделанною в Гаге, только стараются показать свету свою готовность к миру, а потом общие переговоры проволочить и сделать бесплодными. Мы, однако, этим не хотим сказать и доказать, что не следует слушать о мире, хотя бы лондонский и берлинский дворы предложили самые выгодные условия; но мы находим: 1) что такой славный величайших в свете держав союз не принесет желаемой пользы и прочным быть не может, если эти державы не достигнут своего намерения и при будущем мире взаимные их интересы неравно соблюдены будут. 2) Что этого нельзя достичь, если союзники не признают единодушно, что следует заключить мир честный, прочный и выгодный. 3) Что такой мир будет заключен не скоро, если у лондонского и берлинского дворов не отнимется всякая надежда произвести между союзниками несогласие и кого-нибудь из них преклонить к отдельному миру.

По нашему мнению, надобно отвечать на декларацию, сделанную в Гаге, что союзники не меньше Пруссии и Англии желают скорого, но честного и прочного мира, что не будет затруднения относительно выбора места для переговоров и посылки уполномоченных, когда будет ближе изъяснено, каким образом помышляется достигнуть прочного мира, ибо состояние, в каком находилось дело до нынешней войны, было неудобно к сохранению мира и начатию войны прежние договоры нарушены. В то же время кажется нам необходимым сделать особую декларацию на имперском сейме при датском дворе и в Голландии, что союзники с большою неприятностью услышали о разглашениях неприятеля, будто каждый из них старается об отдельном мире; напротив того, теперь они больше, чем когда-либо, стараются союз свой сделать неразрывным и непоколебимым, и если до сих пор они согласно воевали, то при будущем примирении еще единодушнее будут стоять, чтоб не принимать другого мира, кроме честного, прочного и полезного, и доставить всем обиженным сторонам достойное и праведное удовлетворение. Сильное и прилежное приготовление к будущей кампании при этом всего нужнее. Также крайне

нужно, чтоб теперь союзники как можно скорее точно и решительно согласились с нами насчет всех условий будущего мира, ибо, во-1), самые мирные переговоры этим много облегчатся и в случае успехов оружия тотчас могут быть окончены; если же лондонский и берлинский дворы усмотрят при переговорах большое несогласие между союзниками, то увидят в этом возможность протянуть переговоры, а потом совершенно разделить союзников и при заключении мира переговорами достигнуть того, чего силою оружия получить нельзя было. 2) Предварительного и точного постановления условий требует принятое союзниками обязательство не заключать с общим неприятелем ни отдельного мира, ни перемирия, ибо точное и строгое исполнение этого обязательства затруднило бы мир почти навсегда, а когда союзники насчет будущих условий мира наперед согласны, то каждый может выслушивать предложения и сообщать их другим, если они удобоприемлемы, или тотчас же отвергать, если они так несходны с общими видами. 3) Если, таким образом, между союзниками будет полное соглашение, то не будет никакой нужды заключать вредные перемирия. Что касается места переговоров, то так как герцог Мекленбургский неповинным образом много претерпел в нынешнюю войну, то было бы ему некоторым вознаграждением, если б конгресс был собран в одном из его городов; если же это невозможно, то всего лучше собраться конгрессу в Гамбурге или Любеке; впрочем, мы будем согласны на всякое решение союзников".

Венский двор сильно встревожился декларациею Англии и Пруссии, сделанною в Гаге, он боялся, что Франция, истощенная войною, будет рада этому случаю как можно скорее заключить мир, вследствие чего и другие союзники будут принуждены то же сделать, не получа от войны той пользы, какой ожидали. Мария-Терезия писала Эстергази, что возлагает всю свою надежду на союзническую дружбу и непоколебимость русской императрицы; просила, чтоб при русском дворе отложили всякое недоверие и частный интерес и ничего не скрывали от венского двора для надежного достижения великой цели; выражала желание, чтоб Россия возобновила уже принятые ею обязательства относительно ее и ее дома; с своей стороны обещала свято исполнять свои обязательства и, кроме того, дать королевское слово как силою оружия, так и при мирных переговорах употребить последние свои силы для доставления России всех тех выгод и вознаграждений, какие она сама изберет и найдет возможными; требовала, чтоб не было заключаемо никакого перемирия, но представляла, что должно согласиться на мирный конгресс, на котором стараться выиграть как можно более времени, распознать прямые намерения прочих дворов и, пользуясь ими, ослабить дружбу между Англиею и Пруссиею, стараться, чтоб между Англиею и Франциею был заключен такой мир, при котором бы Австрии и России оставалась свобода продолжать войну против короля прусского.

Императрица на это велела дать такой ответ: "Нет никакого сомнения, что по домогательствам короля прусского Англия склонилась сделать с ним

вместе декларацию о мирном конгрессе. Но не меньше верно и то, что Англия не понимала бы своего существенного интереса, если б не пользовалась нынешними обстоятельствами для заключения выгодного мира и спасения союзника своего короля прусского. Ей нельзя не видеть, что, как бы постоянно ни было счастье ее оружия, больших выгод ей получить уже нельзя, когда в Северной Америке ей уже нечего опасаться от Франции и, что еще важнее, флот и торговля Франции долго не могут поправиться, а доходы совсем истощены и, продолжая войну, можно только дожидаться такого случая, что Франция каким-нибудь отважным и удачным предприятием переменит положение дел. Англия, конечно, чувствует, что если король прусский будет совершенно обессилен, то она потеряет всех своих союзников в империи, следовательно, настоящие успехи ее оружия не вознаградят утрату ее значения в европейских делах; уступкою самого выгодного мира Франции Англия все же оставит ее в настоящем бедственном положении, а спасая этим миром короля прусского, несравненно увеличит свое значение и влияние. Таким образом, по нашему мнению, более желательно, чем надежно, успеть в том, чтоб Англия склонилась заключить с Францией мир с совершенным исключением короля прусского. Надобно иметь крайнюю осторожность, чтоб приметным различием англо-французской и нашей с Пруссией войны не встревожить Францию и не повредить делу. Мы считаем нужным, чтоб посол наш граф Бестужев-Рюмин и граф Штаремберг согласно и внятно истолковали французскому двору, что нет нашего желания и намерения исключить его христианнейшее величество из войны против короля прусского; напротив, с благодарностью признавая сильное его в ней содействие, усердно желаем, чтоб при мире с этим государем интересы Франции и всех союзников, особенно Саксонии и Швеции, были наблюдаемы наравне с нашими собственными; еще более удалены мы от мысли, чтоб, заключив особый мир с королем прусским, оставить ему свободу подавать каким бы то ни было образом помощь Англии; что мы очень понимаем, для чего теперь Англия и Пруссия так спешат мирными предложениями: Англия давно усмотрела, что мнимое превосходство сил ее на море только тогда станет действительным, когда на твердой земле имеет она сильное подкрепление. Поэтому казалось, что в нынешней войне заботилась она больше об интересах короля прусского, нежели о своих собственных. Поэтому думать можно, что и при заключении мира станет усердствовать больше о прусских же интересах; может быть, и вся ее надежда к миру на том основана, чтоб, жертвуя некоторыми своими выгодами, сохранить в полезной для нее силе короля прусского. Россия и Австрия никогда не потребуют, чтоб Франция хотя чем-нибудь для них пожертвовала; но его христианнейшее величество, конечно, усмотрит, что, какой бы теперь выгодный мир с Англиею заключен ни был, он будет всегда этой державе несравненно полезнее и Франции вреднее, если в то же время не будут сокращены силы короля прусского, ибо Англия сохранит себе такого союзника, который ей всем обязан и с помощью которого она легко может владычествовать во всей Германии и на Севере. Конечно, на

некоторое время прекратится настоящая тягостная война, но всегда нужно будет готовиться к новой и тем более тягостной, что партия короля прусского несравненно усилится. Англия и король прусский предлагают теперь вместе об общем мире, думая успехами Англии на море наверстать то, что потеряно на твердой земле; а по нашему мнению, усилением войны на сухом пути надобно с избытком наверстать то, что потеряно на море; а способ, кажется, есть и утраченное наверстать, и обязательства исполнить, и нигде ничего не уступить, надобно только последовать такому совету: в ответной французской декларации должно быть сказано, что король готов помириться с Англиею, если только мир будет честный; что же касается войны, начатой королем прусским против Австрии, Саксонии и России, то так как король вступил в нее только в качестве помощника и ручателя Вестфальского договора, то он должен свято исполнять свои обязательства, помогая своим союзникам и стараясь при будущем примирении, чтоб они получили справедливое вознаграждение за все убытки".

Была еще держава, которая вступила в войну с Пруссией для сохранения Вестфальского договора, - Швеция. Панин присылал печальные известия о причинах неуспеха шведского войска. "Настоящая кампания, - писал он, - стоит Швеции 20 миллионов талеров; сколько иностранных субсидий на то получено, всевысочайше известно; если взять в рассуждение число шведской армии и что она во все время делала, лежав по июль месяц в Штральзунде и потом перешедши взад и вперед не более пятидесяти миль, почти не видав неприятеля, то нетрудно доказать, что по крайней мере третья часть этих миллионов разошлась по рукам. Как приготовиться к будущей кампании, этот вопрос заключает в себе великие трудности; сенатская комиссия о вооружении уже несколько времени не собирается за неимением денег, не зная, чем удовлетворять подрядчиков и за те многие предметы, которые еще прошлым летом были поставлены в армию. Один сенатор сказал мне под секретом, что они не имеют никакой надежды, чтоб версальский двор выплатил им субсидии на нынешний год; известная здешняя лотерея не имеет желаемого успеха, мало охотников брать билеты, ибо требуют, чтоб банк брал эти билеты под залог, а банк не соглашается".

1 июня Панин писал: из военных распоряжений и приготовлений здесь ничего нового не видно, кроме сбора рекрут до 600 человек из разных провинций; говорят, что их скоро отправят в приморские места для посажения на суда; других отправлений к армии нет, все войска остаются по своим провинциям и гарнизонам; причина всем известна: она состоит в совершенном истощении государственной казны и в том, что недоимка чужестранных субсидий остается невыплаченною, а что уплачивается, то идет на содержание наличной армии в Померании. В августе, говоря о положении дел по смерти вождя господствующей партии графа Гилленборга, Панин писал: "До сих пор Сенату оставалось мало времени думать о своей армии, потому что он должен был управляться с разными домашними партиями, и теперь со смертью Гилленборга внутренние дела придут еще в большее замешательство". В начале сентября Панин

уведомил, что Государственный банк дал наконец короне займы 30 бочек золота с объявлением, что он сделал последнее усилие помочь государственному недостатку. Из этих 30 бочек 20 бочек удержала Штатс-контора на выдачу окладного жалованья на этот год статским и военным чинам, ибо это жалованье правительство взяло вперед из обыкновенных государственных доходов и употребило на военные расходы; четыре бочки взяла Военная коллегия на расплату с подрядчиками за поставку вещей прошлого и нынешнего года, и, таким образом, правительству остается только шесть бочек на его новые военные издержки. Панин считал своею обязанностью утверждать, что в 1759 году не будет никакой отправки войска и рекрут в Померанию, а только делаются пустые обнадеживания для успокоения союзников и для поддержания бодрости в народе. В провинциях никто не хочет повиноваться правительственным приказаниям. В будущем году должен собраться сейм, и наверху заняты выбором ландмаршала. Придворная партия вместе с старыми *колпаками* ведет себя тихо и не мешается в это дело; французская партия хочет провести в ландмаршалы барона Шефера, который находится министром при версальском дворе: но сенатор Гепкен со своими приверженцами слышать об этом не хочет и проводит своего друга отставного сенатора Вреде.

Новый министр русский в Варшаве генерал-поручик Федор Воейков должен был заниматься старыми делами. Он начал свои донесения известием, что первый министр граф Брюль, зять его маршал коронный граф Мнишек и при них епископ краковский Солтык делают почти все по своему произволу; враждебная им партия имеет своими вождями князей Чарторыйских и каштеляна краковского графа Понятовского; от раздоров между этими двумя партиями происходят большие беспорядки и неудовольствия между знатными поляками. К Воейкову приезжал коронный канцлер Малаховский и, обнадеживая в своей преданности русским интересам, высказывал вместе с тем сильное неудовольствие на поступки Брюля и Мнишка, которые вопреки конституции и обыкновениям польским вступаются во все дела, находящиеся в заведовании других сановников, так что он, Малаховский, избегая дальнейших оскорблений, решился на несколько времени уехать в свою деревню, что и действительно исполнил. "Я, - писал Воейков, - о подобных неудовольствиях слышал и от других знатных поляков; только мне кажется, что неудовольствия эти возбуждаются Чарторыйским и Понятовским, имеющими большое значение. Я мог и то приметить, что по большей части из людей, принадлежащих явно к партии придворной, очень немного доброжелательных, другие же только наружно показывают себя приятелями, чтоб получать чины и другие выгоды. На мои поступки и обхождение очень внимательно смотрят, и каждый старается привлечь меня к своей стороне, поэтому я рассудил при учтивом обхождении наблюдать осторожность и скромность, выслушивать жалобы, иногда и неосновательные, и вижу, что чрез это нахожусь у обеих партий в довольном уважении, и надеюсь, что если бы в подобных случаях стал чего-нибудь домогаться, то не встретил бы больших препятствий". После

этого Воейков писал: "Приметил я, что воевода русский князь Чарторыйский очень дружески обходится с английским посланником лордом Стормонтом и с прочими находящимися здесь англичанами, которые почти ежедневно бывают у него в доме; граф Понятовский оказывает им также особенную приязнь. Такое поведение подает справедливую причину к наибольшему неудовольствию и подозрению как со стороны короля, так и первого министра. Может быть, они делают это только в досаду противной им придворной партии, не имея никаких худых намерений; однако, по моему мнению, выдумка эта очень непохвальна".

На это донесение Воейков получил рескрипт императрицы: "Недавно приехавший сюда молодой князь Чарторыйский просит нашего заступления у короля за епископа каменецкого Шептицкого, чтобы доставлена ему была папская булла, да за аббата Мосальского, чтоб сделать его виленским коадьютором, чем русская партия получит немалое поощрение. Хотя подлинно князья Чарторыйские и их партия казались нам преданными, за что и получили многие от нас милости, однако время и опыт показали, как мало они этому отвечают и по частной злобе на графа Брюля и его зятя являются враждебными не только нашим, но и собственным королевским интересам. Явный опыт их недоброжелательства показан в том, что они не устыдились прямо сопротивляться королевскому предложению чрез депутацию от республики требовать у короля прусского объяснения насчет враждебности его поведения относительно Польши, и предложение это по их упорному настоянию не принято. Из этого оказывается, чего королю и нам вперед ожидать от князей Чарторыйских и их партии. Однако мы в надежде, что они переменят свое поведение, нисходим на прощение молодого князя Чарторыйского и повелеваем вам нашим именем ходатайствовать за Шептицкого и Мосальского, но прежде хорошенько рассмотреть, чтоб такими рекомендациями не причинить королю какого-нибудь неудовольствия и тем не компрометировать наше достоинство".

И Воейков по примеру всех своих предшественников должен был подавать жалобы на притеснения православных в польских владениях. В рескрипте императрицы к нему от 10 августа говорилось: "По причине происходящих от поляков живущим в Польше и Литве греко-российского закона людям всяких препятствий в возобновлении и починке обветшалых церквей и в постройке новых хотя довольно рекомендовано было предместникам вашим, чтоб у короля исходатайствовать этим людям генеральную привилегию иметь им в этом деле совершенную свободу, однако такой привилегии до сих пор еще не исходатайствовано, а нашего закона людям иметь ее очень нужно, потому что поляки, особенно епископ виленский, не допускают починивать и строить церквей". Воейков обратился к Брюлю и получил обычный ответ, что король сделает все, что может. Воейков писал к епископу виленскому, и тот отвечал, что надобно отложить дело до сейма, потому что он без решения всей республики не может давать позволения строить и починивать церкви чуждого исповедания. "Эти

пустые отговорки показывают его недоброжелательство, - писал Воейков, - ибо известно, что все почти польские сеймы разрываются". В то же время поляки требовали немедленного вознаграждения за убытки, причиненные им от прохода русских войск через польские земли; выбрали двоих депутатов, из которых один должен был отправиться в Петербург, а другой - к фельдмаршалу графу Солтыкову домогаться удовлетворения за убытки. Напрасно Воейков старался воспрепятствовать отправлению этих депутатий, напрасно спрашивал: отчего это жалобы происходят только на одно русское войско? Пруссаки ворвались в польские владения и опустошили их, и на это нет ни малейшей жалобы. Граф Брюль отвечал, что хотя такое предприятие польских магнатов королю было очень неприятно, однако он удержать его не мог; Брюль прибавлял от себя, что делать нечего, надобно удовлетворить упрямое и безрассудное польское шляхетство, чтоб удержать его от каких-нибудь предосудительных поступков по причине близости к границам бранденбургским и силезским.

В октябре Воейков получил рескрипт с новыми требованиями исходатайствовать генеральную привилегию православным, потому что епископ виленский рассылает своих миссионеров, которые поступают с простым народом *малослыханным* образом, и по наущению их самому епископу белорусскому Георгию Конискому нанесено в городе Орше такое бесчестие и ругательство, что он опасается, можно ли будет ему и в своем доме спокойно жить, и просит высочайшего заступления за всех единоверных в Польше и Литве. На свои представления Воейков получил прежние ответы и писал: "Духовенство здесь, в Польше, великую имеет силу, отчего надуто такую гордостью, что не только не смотрит на министров, но и королевских повелений мало слушает".

В Польше Фридрих II не имел надежды возбудить какое-нибудь движение, могшее отвлечь русские силы; но он не терял надежды относительно Турции. В начале года Обрезков доносил из Константинополя, что там все тихо; но от 3 апреля дал знать, что явился новый прусский эmissар и 22 марта великий визирь в одном из загородных султанских дворцов имел тайное свидание с секретарем английского посольства и первым переводчиком. Английский посол получил от своего двора повеление стараться всеми способами устроить союз между Портою и прусским королем и позволение в нужном случае истратить на это хотя до 100000 фунтов стерлингов. Визирь соглашался на простой союз или трактат дружбы, но король требовал наступательного или по крайней мере оборонительного союза, на что визирь никак не соглашался. "Между тем я и союзные министры, - писал Обрезков, - употребляли все средства, чтоб воспрепятствовать окончанию этого дела, и хотя замечаем, что вообще турки удалены от прусского союза, однако если визирь к нему расположен и их союзники не получают над прусским королем важной выгоды, то ни за что ручаться нельзя".

Действительно, тотчас после получения ложного известия, что пруссаки одержали победу над русским войском при Пальциге, визирь начал дело с прусским эмиссаром и тотчас же прервал его, когда было получено верное известие о русских победах и под Пальцигом, и под Кунерсдорфом. "Прусские эмиссары, - писал Обрезков от 1 октября, - до сих пор здесь, и положение их не улучшилось, ибо Порты постоянно им отвечает, чтоб имели терпение и ждали удобного времени. Однако такое поведение Порты много беспокоит меня и союзных министров: из него видим, с одной стороны, хитрость Порты, которая хочет иметь полную свободу принять или не принять прусские предложения, смотря по обстоятельствам; с другой стороны, прусские эмиссары, живучи здесь тайно, могут потом держаться и явно и дожидаться своего времени. Поэтому я с союзными министрами употребил все усилия, чтоб эти эмиссары были отсюда отпущены, но без успеха, и вперед по склонности и твердости визиря имеем небольшую надежду к успеху, разве помогут новые успехи оружия нашего или наших союзников. Порты постоянно хлопочет о снабжении пограничных городов военными запасами. Султан желает войны, но между знатью находит не много воинственности". По донесениям прусского эмиссара в Константинополе фон Рексина, великий визирь объявлял ему, что Порты готова к союзу с Пруссией, но с условием, чтоб Англия вступила также в этот союз и гарантировала его; три союзные державы должны были заключить мир только по взаимному соглашению. Но английское министерство объявило прусскому посланнику, что Англия заключала с Портою только торговые договоры и никогда не заключала союзов; союз с турками возбудит негодование при католических дворах - испанском и неаполитанском - и в самом английском народе. Статью о заключении мира только по общему соглашению нельзя принять, она будет противна английскому народу. Остается одно - отправить приказание английскому посланнику склонять визиря в пользу Пруссии, не связывая себе рук.

Надобно было позаботиться о сохранении мира на юге, потому что война на западе становилась очень дорога. Для пополнения войска перестали быть разборчивыми. Военная коллегия доносила, что бывшего в ведомстве Берг-коллегии и присланного в Военную коллегию для определения в полки и гарнизоны гинтерфервальтера Кривцова определить нельзя, ибо по решению Военной коллегии 1756 года велено в армии в офицеры производить по верным аттестатам таких людей, которые были бы трудолюбивы, проворны, быстрой находчивости, о всем попечительны, памятьливы, знающие совершенно военные правила, собою доброзачны и расторопны; а Кривцов в военной службе не был, а в горной, да и из нее за недостойнство прислан, к тому ж и лет немолодых. Но Сенат велел Кривцова определить, куда окажется способен; если же он не произведен в горные офицеры за неспособностью, так это потому, что горные офицеры производятся по наукам, надобным для горного искусства; Кривцову только 49 лет, и потому он может еще службу продолжать, а кроме немолодых лет какие еще его неспособности, которые бы препятствовали

ему служить в полках, - этого Военная коллегия не пишет. Медицинская канцелярия переслала в Сенат мнение доктора Полетики, что больные в госпитале большею частью страдают горячкою и поносом; причины: спертый воздух, дальняя и трудная дорога для рекрутов, скудная пища, теснота в квартирах и нечистота, переменная и мокрая зима, усталость от военных упражнений; притом больные посылаются в госпиталь поздно, где и помирают от тесноты и смрада. Необходимо госпиталь распространить и больных в палатах уменьшить по крайней мере наполовину. Сенат велел приискать новые дома для распространения госпиталя. Для пополнения полков послали указы главным сыщикам: из находящейся при них воинской команды для крайней ныне в полках надобности оставить только такое число людей, какое необходимо, без всякого излишества, а прочих отпустить к полкам.

У сыщиков уменьшали команды - и следствие было известно: умножение разбоев. Появились разбойники близ Москвы по Владимирской дороге около зверинца, пристань имели они в лефортовской части у разночинцев. Прежде у генерал-полицмейстера были две роты драгун, а теперь это число уменьшили, и генерал-полицмейстер доносил, что по Московской дороге и в близости от Петербурга производятся явные разбои, разбойники вооружены тесаками и пистолетами. Последовал именной указ опять учредить две драгунские роты. Скоро исполнить указ было трудно, и из Кабинета пришло подтверждение о немедленном командировании для полиции двух драгунских рот, потому что в Петербурге не только оказывались домовые кражи; но на морском рынке, позади мучного и свечного рядов, найдена рогожа, в которой завернут был горшок с мехом и огнем, отчего рогожа уже обгорела. Императрица приказала также выгнать цыган из Петербурга и окрестностей. Пришли известия, что в Новгородском и Старорусском уездах разбойники разорили много домов; разбои здесь увеличивались с такою силою, что в конце года принуждены были для сыску разбойников назначить всех воинских служителей, находившихся при межеванье, в помощь им велели брать отставных офицеров, а где нужно, и обывателей. Любопытный именной указ заслушал Сенат 13 декабря: "Ее величеству известно учинилось, что многие люди к новоявленному чудотворцу Димитрию в Ростов и в Ахтырку к чудотворному образу в проезде чинят обывателям обиды и берут безденежно подводы, отчего ямщики и крестьяне разоряются".

На денежные требования из конференции Сенат в начале года принужден был отвечать решительными отказами; так, конференция требовала, чтоб выдано было 8400 рублей капитану князю Николаю Репнину, отправлявшемуся во Францию, и ротмистру графу Петру Апраксину, ехавшему в шведскую армию; Сенат приказал сообщить в конференции, что отпустить теперь этих денег неоткуда, во всех местах в деньгах крайний недостаток, почему многие приказанные отпуски денег до сих пор не исполнены. Давши такой ответ, на другой же день Сенат решил послать нарочных, не обретающихся у дел штаб - и обер-офицеров с инструкциями

в губернские, провинциальные и городские магистраты, чтоб они выслали имеющиеся в магистратах и ратушах от разных сборов деньги, сколько их где есть, все, не оставляя ничего. А тут подносится рапорт главного комиссариата: надобно к заграничной армии дослать в годовой расход более 600000 рублей, и в то число Прав. Сенат приказал отправить в Кенигсберг медною монетою 400000 рублей; но в наличности имеется денежной казны разных сумм, в том числе и госпитальной, только 289276 рублей.

Таможенный сбор был отдан на откуп обер-инспектору таможен Шемякину и компании; но Шемякин в конце года подал донесение: по малому числу таможен во многих местах от команд происходят послабления, а некоторые командиры делают препятствия в сборах, таможенных служителей немилосердно бьют и держат долгое время под караулом, а тайно проезжающих с товарами людей из-за взяток пропускают за границу, оговорных к следствию не дают, нарочно посланных в разъезд мучительно бьют, а на Колыбельском форпосте и смертное убийство произошло. От соседних с границею жителей никакой помощи нет, напротив, сами они по согласию с поляками и русскими купцами, собравшись человек по сту и больше с ружьями и копьями, беспрерывно провозят товары, а удержать их нельзя по малочисленности команды на форпостах: во многих местах только по одному солдату находится, и всякая команда отговаривается, что увеличивать число людей на форпостах некем. Генерал-майор Альбедиль пишет, что не только эти партии прекратить, но и бегущих из России в Польшу многими семьями отвратить некем и кроме настоящего тракта беглецы проложили несколько других дорог чрез границы.

При безденежье порадовало известие из Сибири: Нерчинская экспедиция представила о публикации в газетах для славы Российской империи о вновь сысканном богатом серебряном руднике, названном Кадаинским, каких прежде никогда не было отыскано. Сенат, однако, приказал удержаться на некоторое время публикациею. В области других промыслов происходили любопытные явления. Конференция переслала в Сенат доношение таможенного обер-инспектора и откупщика Шемякина, который просил позволения вывозить в Россию шелк, золото и серебро беспошлинно для снабжения русских фабрик. Конференция давала знать, что рассмотрение и окончание дела принадлежит подлинно Прав. Сенату, однако в ней определено при посылке этого доношения сообщить, что представления Шемякина основательны и усердие его заслуживает похвалу, и притом прилежно рекомендовать, чтоб по важности этого дела окончанием его было ускорено, для поправления русских мануфактур надобно поскорее воспользоваться настоящими почти по всей Европе замешательствами. Шемякин в своем донесении писал, что хотя число шелковых мануфактур очень умножилось, однако это производство далеко от совершенства и служит надежным путем к разорению. Французский фабрикант заботится только о рисунках и не думает, откуда ему взять шелк

и как его окрасить, потому что на то есть купцы и красильщики; у нас же, наоборот, фабрикант должен быть и купцом, и красильщиком, что разоряет, ибо требует вдруг затраты больших капиталов; каждый фабрикант должен иметь по крайней мере на 50000 в запасе шелку, если хочет обеспечить себя, чтоб фабрика его не стала. Запасет фабрикант 40 пудов желтого шелку, и не удастся ему переделать из него в целый год и пуда, а по заказам нужно ему будет переделать в один месяц 30 пудов фиолетового, которого у него и золотника нет, что тут делать? Перекрашивать - краска тратится, и цвет выходит плохой, и материя не имеет чистоты и прочности. Шемякин обязывался содержать в Петербурге и Москве столько шелку и таких сортов и цветов, какие только понадобятся, чтоб никакой остановки не было, для чего просил на 30 лет привилегии и, кроме того, права вывозить одному за границу белку, мерлушки и бобров. Но обер-директор позументной фабрики Роговиков доносил, что требование Шемякина бесполезно, из одной зависти нарекает он на русских фабрикантов напрасно, ибо многие шелковые фабрики пришли уже в цветущее состояние; он, Роговиков, употребил на свою фабрику более 100000 рублей и довольствуется своим товаром с похвалою; а Шемякин никакой фабрики не имеет и хочет всех подорвать. Если угодно, он, Роговиков, возьмет привилегию на тех же условиях, но примет к себе в компанию и прочих фабрикантов; сверх того, обязывается платить ежегодно по 30000 рублей в казну. Сенат приказал: позволить Шемякину беспошлинный ввоз одного шелку, но не золота и серебра; позволить и другим фабрикантам беспошлинный ввоз шелку, но только для своих фабрик, а не на продажу; позволить Шемякину на вымен шелка отпускать за китайскую границу бобров, но с пошлиною; также мерлушки и белку за другие границы с пошлиною, а другим отпуск их запретить. Роговикова неосновательное представление отставить и объявить ему, чтоб впредь таких не подавал.

Генерал-лейтенант гофмаршал барон фон Сиверс подал прошение ни больше ни меньше как об уничтожении бумажной и картной фабрики петербургского купца Ольхина, потому что на его, сиверсовой, красносельской фабрике всяких сортов бумага делается лучшим мастерством и в таком количестве, что не только всю Петербургскую губернию, но и близлежащие провинции может удовлетворять, и для того надобно отвратить видимый им себе от фабрики Ольхина подрыв; в 1754 году сенатским определением Ольхину запрещено распространять свою бесполезную фабрику; притом Ольхин в своем прошении назвал его, Сиверса, подрывателем своей фабрики, и за это он, Сиверс, требует удовлетворения. Сенат приказал Мануфактур-коллегии освидетельствовать фабрику Ольхина и донести так, чтоб можно было видеть, размножена ли эта фабрика против прежнего и какая именно сделана прибавка; что же касается удовлетворения, то пусть Сиверс бьет челом где следует по указам, в низшем месте, а не в Сенате.

Война затягивалась; землевладельцы, находясь при войске за границею, не имели возможности брать отпусков для личного надзора за имениями и выплачивать в банк занятую сумму; Петр Ив. Шувалов предложил отсрочить этот платеж, чтоб дворянство, "этот первый член государственный", не лишилось своих имений, особенно теперь, находясь на войне за границею. Помещик находился при войске, а сосед пользовался его отсутствием, напал на его имение, бил крестьян: орловский помещик Шамардин с своими людьми и крестьянами напал на людей и крестьян майора Шеншина и убил четырех человек, бил и сыскную команду, отправленную против него.

Города нужно было предохранять от пожаров, от произвола Главного магистрата и от воевод, которые в свою очередь жаловались на купечество. Воеводская канцелярия Юрьева-Повольского доносила, что тамошнее купечество не исполняет полицейских должностей, не имеет пожарных инструментов; по ночам происходят многолюдные собрания, озорничество и угрозы побоями воеводе и канцелярским служителям. Ростовский воевода Спиридон сменен был за то, что не имел старания о постройке пожарных инструментов. Главный магистрат донес Сенату, что он выбрал в свои рацгеры признанных им достойными этого чина московских купцов Струговщика и Серебренникова. Сенат приказал: по силе регламента велеть московскому купечеству выбрать кандидатов и представить их в Главный магистрат, а тот должен представить их Сенату, обозначив в своем представлении, кто, по его мнению, достойнее; Главному магистрату так и должно было поступить, а не представлять по одному своему удостоению, имея перед глазами регламент и именной указ 1757 года с выговором за подобный неосмотрительный поступок, но все это было пренебрежено.

Относительно воевод любопытна просьба Юстиц-коллегии, нельзя ли по делу пензенского воеводы Жукова назначить особую комиссию из посторонних лиц, а ей вести это дело нет возможности за малочисленностью секретарей и приказных людей. Над советником полиции Неплюевым назначена же была особая комиссия, хотя о нем было только 20 дел, а о Жукове 223 дела! Сенат не согласился, а велел для рассмотрения жуковского дела назначить два дня в неделю, в которые никакими другими делами не заниматься.

В селах видим прежнее явление - восстание монастырских крестьян. Синод прислал ведение: архангельского Архангелогородского монастыря архимандрит Иринарх жаловался на непослушание приписных к монастырю крестьян; крестьяне жаловались на отягощение излишними работами и поборами. До окончания дела крестьянам было объявлено с подпискою, чтоб они были послушны монастырю; но крестьяне не послушались, келаря столкнули с крыльца, потом и архимандрита прогнали, толкая под бока кулаками, а губернская канцелярия с этими противниками ничего не сделала; Синод жаловался на понаровку крестьянам губернаторского товарища Черевина и в должности секретаря

Иванова. В Шацком уезде новокрещеная мордва в деревне Тумаги отложила от Савина-Сторожевского монастыря и не платила оброка с 1753 года. Крестьяне тверского Колязина монастыря били челом, что архимандрит и монастырские стряпчие их разоряют.

Мы упоминали о страшном деле между Сафоновым и Львовыми, которые напали на его крестьян, убили 11 человек и смертельно ранили 45. Дело это тянулось с 1754 года. В описываемое время Львовы с Сафоновым помирились на том, что положили ему в иск дать денег 4000 рублей да в Калужском уезде недвижимое всех их, Львовых, имение, и дать на то имение в 5000 рублей купчую. Сенат позволил эту сделку.

На южной, степной Украине продолжились наезды запорожских козаков на донских. Донской атаман известный Ефремов в знак особенной милости ее императ. величества за заграничный поход пожалован был в тайные советники. Малороссийский гетман выхлопотал вознаграждение и запорожцам: прибавку жалованья по причине умножения этого войска и потому, что оно стеснено от Новой Сербии и нового слободского полка в рыбной и звериной ловле; кроме того, козаки покинули соляные промыслы и прочую торговлю вследствие увеличения пошлин в пограничных таможах; гетман просил также дать запорожцам артиллерию. Сенат приказал жалованья прибавить 2000 рублей и с прежним производить по 6660 рублей; вместо трех пушек, оказавшихся негодными, отпустить три новые.

Новосербские поселенцы начали попадаться в противозаконных действиях: двое из них пропустили гайдамаков из-за границы в Россию из-за взяток; третий принимал от гайдамаков пограбленные вещи и давал им ружья, порох и пули для разбоя; военный суд приговорил их к смертной казни, но Хорват выпросил помилование, чтоб "не дать эха" выходцам в Новую Сербию и не остановить переселения. Мы упоминали уже о буйствах черногорцев. В начале описываемого года в Сенат прислано было сообщение из Кабинета: ее величеству стало известно о происходящих от черногорцев в Москве великих продерзостях драками и явными грабительствами, и будто побуждаются они к тому бедностью и недостатком в содержании. Сенат приказал отвечать: черногорцы выход в Россию в вечное подданство имели для поселения в отведенных им местах в Оренбургской губернии; они сами осмотрели эти места и выгодами их остались сначала довольны, почему и отправились туда из Киева; но скоро нетолько стали отречься от поселения в тех местах, но и, будучи в Самаре, начали делать великие продерзости и обиды обывателям, почему Сенат определил держать их там до указа ввиду сформирования из них гусарского полка, когда число их увеличится. Потом некоторые из них изъявили желание служить при армии особым эскадроном и в старых гусарских полках, почему и велено отправить их в Москву для снабжения оружием и мундиром, но в Москве они стали не только производить драки и обиды обывателям, но и непослушание командирам и без воли

черногорского митрополита Петровича не хотели присягать. В сентябре 1758 года отправлен был в Москву митрополит Петрович, чтоб привести их в послушание и порядок, и велено ему наказать виновных по обычаю их страны. Но потом опять эти черногорцы оказались в частых продерзостных поступках, дрались, били и грабили обывателей, почему велено поступить с ними по военным законам и немедленно отправить их из Москвы в армию; жалоб на бедность их в Сенат никаких не было; жалованье выдается им, как и прочим в гусарских полках, по третям. Между прочим, баронесса Марья Строганова жаловалась, что уже в 1759 году 7 января черногорцы толпою пришли к ее дому с обнаженными саблями, вломились в ворота, изрубили решетку, попадающихся им людей жестоко били, прибежали и к ее покоям и рубили столбы у крыльца; тогда на колокольнях близких к ее дому церквей стали бить в набат, сбежался народ, и черногорцы должны были возвратиться.